

VENDETTA

SICILIA

TOM I

Александр Морозов

VENDETTA: SICILIA. Том I

<https://litres.ru/74678338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сицилия — земля солнца, семейной чести и старых законов, за нарушение которых всегда приходится платить. Винченцо оказывается втянут в мир, где любовь, верность семье и жажда новой жизни идут рядом со страхом, кровью и тайнами прошлого. Рядом с ним — Виттория, ради которой он готов идти до конца. Но чем дальше они уходят от привычного мира, тем сильнее становится ощущение, что прошлое не отпустит их так просто. VENDETTA: SICILIA. Том I — это история о семье, выборе, преданности и судьбе, которая начинается свой путь среди сицилийских пейзажей, обещая впереди куда более опасные события.

Александр Морозов

VENDETTA: SICILIA. Том I

CAPITOLO I

LA PERDITA DI TUTTO

(Потеря всего)

Я, Винченцо Риццо, до сих пор помню вечер, после которого потерял всё. Стоит закрыть глаза — и я снова в Неаполе, в нашем доме, среди летней духоты, запахов вина, пыли, кожи и жареного мяса. Шёл 1899 год. Мы жили на материке, хотя наша семья была связана с Сицилией — с её камнем, морем и виноградной землёй. Мне исполнилось двенадцать, и я ещё не знал, сколько ненависти может таиться за спокойным мужским голосом.

Моего отца звали Антонио Риццо. Посторонние считали его почтенным человеком; дома он был главой семьи, без чьего согласия не принимали важных решений. В дела отца меня не посвящали. Я и не расспрашивал: детям не положено знать обо всём, чем занимаются взрослые. Но я уже понимал, что, когда у нас повышали голос, речь почти всегда шла о земле или о крови. Нередко — о том и другом сразу.

Причиной нашего падения стал виноградник. Небольшой участок плодородной земли, щедро прогретой солнцем, да-

вал тёмный сладкий виноград. Из него делали вино, приносившее хозяину не только лиры, но и уважение. Отец считал этот виноградник своим по праву. Дон Коррадо Ло Верде был убеждён в том же. Ни один не собирался уступить. Когда два влиятельных человека одинаково уверены в своей правоте, дело редко заканчивается миром.

Я сидел в соседней комнате за неплотно прикрытой дверью и слышал почти каждое слово. Жара не спадала даже к вечеру. Через открытое окно едва тянуло воздухом; за тонкой занавеской багровел закат. Во дворе без умолку стрекотали цикады.

— Коррадо, хватит. Этот виноградник мой, и точка. Я больше не собираюсь это обсуждать.

— Ты говоришь так, словно уже похоронил всех, кто мог тебе возразить. Я добивался его целый год. Он мой.

— Ты добивался не своего, а чужого. И если тебе до сих пор никто этого не объяснил, я объясню. Не лезь ни в мои дела, ни на мою землю.

— Ты всё ещё думаешь, что в этом городе решаешь только ты?

— В своих делах — да. И горе тому, кто захочет проверить это на собственной шкуре.

Я осторожно заглянул в щель между дверью и косяком. Отец сидел за тяжёлым дубовым столом и говорил ровно, не повышая голоса. Он никогда не начинал с крика — оттого его гнев пугал ещё сильнее. Дон Коррадо стоял вполоборота,

будто уже собирался уйти, но всё откладывал этот момент ради последнего оскорбления. Высокий и худой, с узким каменным лицом, он держал пальцы на спинке стула. По тому, как спокойно лежала его рука, я понимал: он не намерен отступать.

— Ты слишком уверен в себе, Антонио.

— А ты слишком долго живёшь рядом с чужой собственностью и начинаешь путать желания с правом.

— Осторожнее. Некоторые люди за такие слова лишаются не земли, а будущего.

— Некоторые люди, Коррадо, однажды понимают, что выбрали себе не того врага. Но обычно это понимание приходит к ним слишком поздно.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. За окном хлопнула ставня соседнего дома, где-то на улице залая собака. Коррадо выпрямился, поправил сюртук и направился к двери. На пороге задержался, слегка повернул голову и, даже не посмотрев в мою сторону, произнёс так, словно всё время знал о мальчишке за дверью:

— Посмотрим, bastardo.

Он вышел, так хлопнув дверью, что я вздрогнул. Отец ещё несколько секунд сидел неподвижно, потом тяжело выдохнул и потёр переносицу. Я уже хотел подойти к нему, но не успел.

Снаружи прозвучал первый выстрел.

Почти сразу за ним второй.

За окнами поднялись крики. Кто-то забарабанил по ставням с такой силой, словно пытался выбить их голыми руками. В дом потянуло дымом. В коридоре появился мой крёстный: лицо в копоти, в руке пистолет. Стоило мне увидеть его глаза, как я понял — медлить нельзя.

— Антонио! Через задний выход! Сейчас же!

Отец вскочил так быстро, что стул опрокинулся на пол.

— Где Мария?

— Уже там! Я выведу вас, а потом задержу этих псов!

Я бросился в коридор. Мать уже ждала у задней двери — побледневшая, но собранная. Она схватила меня за плечо и почти вытолкнула во двор. Там всё было залито тревожным оранжевым светом: по краям крыши расползалось пламя. Ветер швырял в лицо пепел. Из передней части дома доносился страшный человеческий крик. Лошади у загона храпели и били копытами, напуганные огнём и стрельбой.

Отец с крёстным распахнули ворота. Мы с матерью сели в сёдла. Когда-то меня учили держаться на лошади ради забавы, и верховая езда казалась игрой. В ту ночь от детских игр не осталось ничего.

— Быстро! Не оборачивайтесь! Скачите и не думайте ни о чём!

— Ты идёшь с нами.

Крёстный лишь покачал головой.

— Если я пойду, они сядут вам на хвост через минуту. Если останусь — подарю вам хотя бы немного времени.

Отец взглянул на него. В этом взгляде было всё, что мужчины, давно знающие друг друга, могут сказать без слов.

— Да хранит тебя Господь.

— Сегодня ему есть чем заняться и без меня.

Крёстный повернулся и побежал обратно в дым. Я видел, как он выстрелил один раз, затем второй. В следующее мгновение его тело резко дёрнулось, будто от удара молотом, и он упал. Те несколько секунд, которые он выиграл для нас, спасли нам жизнь.

Мы вырвались на заднюю дорогу, оставив позади горящий дом. Лошади неслись по тёмной улице, выбивая копытами пыль и мелкие камни. Мать так крепко сжимала поводья, что у неё побелели пальцы. За спиной раздавались выстрелы и топот погони. Люди Ло Верде не собирались отпускать нас живыми.

Отец то и дело оборачивался в седле и стрелял. Он целился не в преследователей — в темноте и на таком расстоянии попасть в человека было трудно, — а в лошадей. Один всадник закричал и рухнул на дорогу. Другая лошадь пошатнулась, взвилась на дыбы и сбросила седока в канаву. Отец действовал точно, без суеты, с какой-то страшной злостью. Тогда я впервые увидел, что расчётливость порой опаснее отваги.

— Не смотри назад, Винченцо! Держись матери! Держись крепче!

Я вцепился в поводья и чувствовал, как дрожит подо мной

лошадь. Ночной Неаполь пах гарью, морем и грязью. Редкие фонари выхватывали из темноты то кусок стены, то балкон, то чьё-то испуганное лицо в окне. Никто не вышел нам навстречу. Люди поспешно закрывали ставни, предпочитая не вмешиваться в чужую беду.

Дальнейшую дорогу я помню обрывками. Несколько дней мы пробирались на юг почти без сна, уставшие и молчаливые. Отец выбирал малолюдные пути, обходил постоянные дворы, по возможности менял лошадей и прислушивался к каждому подозрительному звуку. Мать почти не говорила. Когда я просыпался в телеге или на соломе возле какой-нибудь заброшенной стены, первым делом видел её руки — натруженные, покрасневшие, но всё такие же надёжные.

Наконец мы добрались до Вилла-Сан-Джованни. В порту пахло солью, рыбой, смолой и отсыревшими досками. После дорожной пыли морской ветер показался мне почти спасением. За проливом темнела Сицилия — суровый остров, который теперь оставался нашей единственной надеждой.

Мы сели на пароход до Мессины, а оттуда направились к Таормине. Там жил мой дед Джузеппе Риццо, отец Антонио. Его имя по-прежнему имело вес в этих местах. Отец надеялся, что на Сицилии люди Коррадо не сумеют так быстро до нас добраться.

Увидев дом деда, я впервые за несколько дней поверил, что мы спаслись. Дом стоял в стороне от дороги, за каменной оградой и старыми кипарисами. Уже смеркалось. Фонарь на

веранде освещал белые стены мягким, почти домашним светом. Дед вышел встречать нас сам.

Он был уже стар, но держался прямо. Его неспешная походка выдавала человека, которого слишком долго уважали, чтобы он научился суетиться.

— Нам нужна помощь. Дома больше нет. Коррадо съёл всё.

— Заходите быстро. Если вас вели, я хочу знать об этом раньше, чем они подойдут к воротам.

— Я думаю, мы сбросили хвост.

— Думать — одно. Убедиться — другое. Здесь вам дадут поесть. А завтра я перевезу вас в дом за городом, в глуши. Там будет безопаснее. И охраны там больше.

Мать, кажется, впервые за всё путешествие позволила себе выдохнуть. Дед велел принести горячий хлеб, тушёное мясо, молодой сыр и вино — будто ужин мог вернуть привычный порядок вещей. Ели мы почти молча. Усталость притупила страх, но окончательно поверить в безопасность я не мог. Меня отправили спать, и я уснул, едва прилёг.

Проснулся я от выстрелов.

Поначалу мне показалось, что это продолжение сна, будто мы снова в Неаполе. Потом совсем рядом кто-то закричал, и я вскочил. За окном мелькнул свет — то ли факел, то ли вспышка выстрела. Снизу доносились тяжёлые шаги, треск ломаемой мебели или дверей. Во дворе уже стреляли.

Я подбежал к окну. Под ним была крыша веранды, обви-

тая старой виноградной лозой. Листья трепетали от ночного ветра. В двенадцать лет я не мог разобраться, что происходит в доме, но понял одно: оставаться в комнате нельзя. Иначе я погибну вместе с остальными.

Я выбрался из окна, соскользнул на крышу, ухватился за лозу и, обдирая ладони, спустился во двор. Удар о землю отдался в ногах, но я устоял. Сердце колотилось так сильно, что я боялся выдать себя одним только его стуком. Я побежал за садовую стену и затаился среди влажной травы и камней, откуда виднелся край дома.

Из дома доносились мужские крики, затем коротко вскрикнула женщина. Прогремело ещё несколько выстрелов. Я лежал, прижавшись к земле, и знал: там оставались отец, мать и дед. А я ничего не мог для них сделать. Ни подойти, ни выстрелить, ни даже крикнуть. Только прятаться и ждать, пока стихнет стрельба.

Когда выстрелы прекратились и небо стало светлеть, я ещё долго не решался подняться. Вокруг стояла пугающая тишина. Даже птиц не было слышно. Дом, из которого ночью доносились крики, теперь казался пустым и неподвижным.

Я вошёл внутрь только с наступлением утра.

В коридоре пахло кровью, дымом и железом. У стены был разбит стол, на полу валялись опрокинутый стул и стреляные гильзы. Я прошёл дальше — и увидел тела. Сначала деда. Потом отца. И мать.

Не помню, сколько простоял над ними. Должно быть, дол-

го. Я всё смотрел на их лица, словно ждал, что кто-нибудь шевельнётся, откроет глаза, позовёт меня. Слезы пришли не сразу. Потом силы оставили меня: я опустился на колени и заплакал, как плачет ребёнок, у которого за одну ночь отняли весь мир.

В тот момент я поклялся отомстить дону Коррадо Ло Верде.

Тогда я ещё не знал, сколько лет уйдёт на исполнение клятвы, сколько людей окажется у меня на пути и какой ценой придётся платить за месть. Я не понимал, что одна пролитая кровь редко ставит точку в кровавой истории. Но уже знал: моя прежняя жизнь закончилась рядом с ними, на этом полу. Дальше мне предстояло рассчитывать только на себя.

Предисловие ко второй главе

Когда я стоял среди мёртвых, уже не находя в себе сил ни кричать, ни плакать, в дом вошёл дон Доменико Скалия — давний друг моего деда. Я знал его с раннего детства: когда гостил у Джузеппе в Таормине, видел, как Доменико приезжал по вечерам, неторопливо сходил с повозки, снимал шляпу и говорил так мало, будто каждое слово стоило ему дорожке монеты.

Он вошёл без спешки, но при виде тел остановился. На мгновение его лицо изменилось. Такой человек не выражал потрясения криком — он просто замолчал. Сняв шляпу и прижав её к груди, он подошёл ко мне.

— Винченцо... мне жаль.

Я молчал. Казалось, в тот час я совсем разучился говорить.

Доменико положил руку мне на плечо. Его ладонь была тяжёлой, тёплой, надёжной.

— Я понимаю твоё состояние. Я тоже терял близких. Не в таком возрасте, как ты, но боль не спрашивает, сколько тебе лет. Твой дед был моим лучшим другом. Настоящим. Таких людей судьба даёт мало, а забирает слишком быстро.

Я поднял на него глаза. В его взгляде не было жалости — и именно это помогло мне не сломаться окончательно.

— У меня нет внука, Винченцо. И сына, на которого я

мог бы смотреть так же, как твой дед смотрел на тебя. Если хочешь, поедешь со мной. Пока ты со мной — ты не один.

— Если можно... Мне теперь негде жить.

— Значит, теперь будешь жить у меня. А сегодня мы не будем говорить лишнего. Сегодня нужно отдать твоим родным то, что им полагается: честь, землю и молитву.

Он увёл меня из дома к себе. Особняк Доменико — старый, большой, каменный — стоял на возвышении над дорогой среди кипарисов и сухой травы. Там было тихо; даже слуги говорили вполголоса. Мне принесли воду, чистую рубаху, тарелку горячей еды, но я почти ничего не смог съесть. Меня сморила усталость, и на какое-то время я уснул.

На следующий день состоялись похороны. С утра небо затянуло серыми облаками. Медленный церковный звон разносился над городом. Люди в чёрном стояли тесно: одни крестились, другие молчали. На Сицилии порой умеют молчать красноречивее, чем говорить.

Я смотрел, как опускают гробы, как комья сырой земли с глухим стуком падают на крышки. Дон Доменико ни разу не отвёл взгляда. Когда люди стали расходиться, я ещё полчаса оставался у могил. Молиться я не мог — был слишком зол. Только стоял и смотрел на землю, под которой осталась вся моя прежняя жизнь.

Потом я ушёл вместе с Доменико.

С тех пор прошло семь лет. Дон Доменико стал мне вторым отцом — не по крови, а по всему тому, что порой зна-

чит больше родства. Он не баловал меня, не жалел вслух, не позволял подолгу жить воспоминаниями. Зато дал мне дом, образование и возможность сохранить имя, при звуке которого люди в городе по-прежнему оборачивались.

Меня учили читать и писать, математике, счёту, языку сделок и умению понимать цену вещей. Меня учили ездить верхом, стрелять, держать нож так, чтобы не дрожала рука, и молчать, когда слова могли обойтись слишком дорого. Я выросл в доме, где за столом говорили негромко, зато принимали решения, после которых люди исчезали и с дорог, и из памяти.

И всё это время внутри меня жила одна и та же клятва, которую я дал ещё ребёнком на полу окровавленного дома.

CAPITOLO II

UN AFFARE DA ADULTI

(Взрослая афера)

День моего девятнадцатилетия выдался ясным и жарким. Утро поднялось над Таорминой медленно, будто сам город не хотел спешить в новый день. С моря тянуло солью и прохладой, но камень стен уже начинал нагреваться от солнца. Во дворе дома Доменико слуги с раннего часа накрывали столы. На белой скатерти темнели бутылки с вином, от кухни тянуло жареным мясом, травами и чесноком, а в саду, за домом, воздух был густой от аромата лимонных деревьев и

пыльных роз.

В доме с самого утра чувствовалось, что это необычный день. Мужчины семьи, люди Доменико, слуги, конюхи — все смотрели на меня уже иначе, чем прежде. Не как на мальчишку, которого дон когда-то привёл с кладбища. И не как на сироту под его крышей. На меня смотрели так, словно я подошёл к черте, за которой детство больше не прощают.

За обедом дон Доменико поднял бокал первым. Вино в его руке было густым, тёмным, почти чёрным на свету.

— Винченцо, сегодня тебе девятнадцать. Ты вырос у меня на глазах. И если Господь что-то и дал мне после многих утрат, так это возможность увидеть, как из мальчика рождается мужчина. За тебя.

Голоса за столом откликнулись негромким одобрением. Бокалы поднялись. Я тоже взял свой.

— Я благодарен вам, дон Доменико. За всё. За дом. За хлеб. За имя, которое вы дали мне сохранить.

Доменико посмотрел на меня внимательно, не улыбнувшись, но и не скрывая удовлетворения.

— Благодарность хороша, пока не превращается в слабость. Мужчина платит за добро не словами, а делом. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Понимаю.

— Вот и хорошо.

За столом выпили. Кто-то из старших людей семьи пробормотал пожелание долгих лет, кто-то перекрестился. Но

настоящий разговор начался только вечером, когда жара немного отступила и сад погрузился в тёплую синеву. Цикады стрекотали в кустах так упорно, будто хотели перекрыть человеческие слова. Дон Доменико позвал меня прогуляться по аллее между старыми кипарисами.

Мы шли медленно. Каменная дорожка всё ещё держала дневное тепло. Слева темнели виноградные ряды, справа белела стена дома. Внизу, за склоном, мерцал город, а ещё дальше лежало море — чёрное, спокойное, неподвижное.

— Твой отец любил вечерний воздух. Говорил, что после заката мужчина начинает думать честнее.

— Я помню его плохо. Иногда мне кажется, что я помню не его самого, а только своё желание помнить.

— Так бывает. С возрастом лица блекнут. Но кровь помнит лучше, чем голова.

Мы прошли ещё несколько шагов. Потом Доменико остановился и повернулся ко мне.

— Ты уже не ребёнок, Винченцо. И потому я скажу тебе то, чего не говорил раньше. В нашем мире не бывает свободных мужчин. Бывают те, кто принадлежит семье по крови, и те, кто принадлежит ей по клятве. Тебе скоро придётся сделать шаг из одного мира в другой.

— Вы говорите об омерте?

— Я говорю не только о ней. Омерта — это молчание. Но молчание — только стена. А за стеной стоят долг, верность, кровь, память и страх. Человек семьи не просто не говорит

лишнего. Он знает, за что умрёт и ради чего будет жить.

Я слушал и чувствовал, как внутри меня поднимается что-то тяжёлое и горячее — не страх, нет. Скорее то чувство, с которым человек подходит к двери, за которой давно хотел оказаться, но, дойдя наконец, понимает, что назад дороги уже не будет.

— И я готов?

Доменико покачал головой.

— Ты близок. Но готовность не объявляют словами. Её доказывают. Клятву можно принести один раз. Ошибиться в человеке, который её даёт, — тоже один раз. Я не собираюсь ошибаться.

— Что я должен сделать?

— Завтра мы поедem к одному очень хорошему человеку. Он продаёт лучших лошадей на всём этом побережье. Я хочу, чтобы ты посмотрел, как ведутся настоящие дела. И, возможно, не только посмотрел.

— Для скачек?

— Да. На следующей неделе сюда съедутся люди, которым не продают плохих коней и плохое вино. Мы должны быть готовы. Запомни, Винченцо: твои дела — наши дела. Наши дела — твои дела. Так устроен дом. Так устроена семья.

— Я запомню.

— Запомнить мало. Придёт время — докажешь.

Он положил мне руку на плечо; знакомую тяжесть его ладони я помнил с детства. Так он делал всегда, когда хотел

сказать: разговор окончен, но слова останутся.

— Иди спать. Завтра встаём рано.

— Спокойной ночи, дон Доменико.

Мы разошлись, каждый погружённый в свои мысли. Я долго не мог уснуть и лежал, глядя в потолок, пока за окнами не стихли последние звуки дома.

Утром меня разбудил Пьетро Манчини — правая рука Доменико. Он вошёл без стука, как человек, привыкший не просить разрешения там, где его давно не требовалось.

Пьетро был не стар, но на его лице всегда лежала тень усталой суровости. Он мало улыбался и ещё меньше говорил, если слова не были нужны. В нём не было броской красоты или особой величавости, но было другое — то, что люди чувствуют сразу. Опасность. Опыт. Надёжность.

— Поднимайся. Дон уже ждёт.

Я быстро оделся и вышел во двор. Солнце только поднималось, но день уже обещал быть знойным. Мы отправились в горную местность недалеко от города, где жил богатый продавец лошадей Кармело Ферранте. У него были обширные владения, немалое состояние и хорошая репутация среди тех, кто умел отличать красивого коня от действительно стоящего.

Дорога к его усадьбе вилась между каменными террасами, виноградниками и сухими холмами. Пахло пылью, травой и лошадьми. Когда мы подъехали, я невольно выпрямился в седле. Дом Ферранте был огромен: светлый камень, высокие

окна, длинная веранда, колонны, глубокая тень. Вдали виднелись загоны и поля. Возле конюшен уже суетились люди.

Первым слез с лошади Пьетро, потом дон Доменико. Я прыгнул следом.

— Buongiorno.

Голос его прозвучал спокойно, но так, что все, кто был во дворе, сразу обернулись. К нам подошёл сам Кармело Ферранте — плотный, хорошо одетый, с загорелым лицом и руками человека, который любит деньги, но не гнушается землёй.

— Buongiorno, дон Доменико. Рад видеть вас у себя.

Они крепко пожали друг другу руки. В Италии тех лет многое решалось именно тем, как мужчины пожимают руки и как долго потом смотрят друг другу в глаза.

— Показывай лошадей. Я приехал не ради твоего вина и не ради твоих разговоров.

Кармело усмехнулся.

— А жаль. И то и другое у меня хорошее. Но раз вы приехали за делом — идёмте.

Мы прошли к стойлам. Конюшни тянулись длинным рядом, пахли сеном, кожей, навозом и дорогой чистотой. Такие места сразу выдают хозяина. Бедный держит лошадей, чтобы они работали. Богатый — чтобы все знали, насколько хороша его кровь и его вкус.

— Ну-ка скажи, какой конь у тебя здесь самый быстрый и выносливый?

Кармело не ответил сразу. Его лицо чуть изменилось, будто солнце на секунду ушло за тучу.

— Его нет.

Доменико остановился.

— Как это — нет?

— Я собирался объяснить...

— Я же велел тебе держать его для меня.

Голос его стал громче и холоднее. Даже лошади в стойлах беспокойно вскинули головы.

— Да, я помню. Но ночью приехали люди. Они угрожали мне, моим конюхам, моим мальчишкам. Мне пришлось отдать коня.

— Кто посмел?

Кармело отвёл взгляд и ответил почти через силу:

— Briganti.

На несколько секунд все замолчали. Пьетро посмотрел на дона, я — на Пьетро. Кармело вытер ладонь о жилет, будто сам стыдился того, что пришлось сказать.

— Ха. Ладно.

Он повернулся к Пьетро.

— Дай Винченцо пистолет. Мы едем за конём.

— Хорошо, дон.

Он достал оружие и протянул его мне рукоятью вперёд.

— Ну что, мальчик, умеешь с этим обращаться?

— Естественно, умею.

Пьетро чуть прищурился.

— Уметь держать и уметь стрелять в человека — разные вещи.

— Значит, сегодня узнаю, насколько велика эта разница.

Впервые за всё время я увидел в его глазах короткое одобрение.

Мы снова сели на лошадей и двинулись в сторону гор. Некоторое время дорога шла вверх, по каменистой тропе между скалами и редкими деревьями. Потом у развилки дон Доменико придержал коня.

— Я поеду назад и подниму людей. Вы идите по следу и не лезьте в драку раньше времени. Если сможете вернуть коня без шума — вернёте без шума. Если нет... тогда хотя бы задержите их.

— Постараемся.

— И Пьетро...

— Да, дон?

— Смотри за ним.

— Буду.

Доменико развернулся и поехал к дому. Я с Пьетро направился в сторону гор, где, по словам людей Кармело, скрывался лагерь *briganti*.

Дорога стала уже и тяжелее. Под копытами крошился камень. От солнца скалы белели так ярко, что приходилось щуриться. Некоторое время мы ехали молча. Потом Пьетро заговорил сам — неожиданно, как будто понял, что мне нужна не только команда, но и голос рядом.

— Я тоже когда-то был бездомным мальчишкой.

Я повернул к нему голову.

— Вы?

— Я. Не смотри так. Я не всегда носил хороший сюртук и ездил рядом с доном. Когда мне было меньше, чем тебе в ту ночь, у меня не было ни дома, ни имени, за которое кто-то стал бы драться. Доменико подобрал меня почти с улицы. Дал крышу. Еду. Работу. Потом — доверие.

— И вы сразу стали его человеком?

Пьетро усмехнулся.

— Сразу в этом мире ничего не бывает. Сначала ты носишь ведра, чистишь стойла, молчишь там, где хочется спорить. Потом тебя проверяют. Потом ещё раз. И только когда убеждаются, что ты не сгниёшь внутри при первом страхе, тебя подпускают ближе.

— А если сгниёшь?

— Тогда тебя просто больше нет. Для семьи, для дома, иногда и для мира тоже.

Мы ехали дальше. Внизу далеко-далеко блестело море. Ветер здесь был суше и острее, чем у дома. Он пах камнем, пылью и кустарником.

— А ты? О чём думаешь сейчас?

— О том, что Доменико всё чаще смотрит на меня не как на мальчишку. И о том, что я ждал этого слишком долго. Но когда это начало происходить, мне почему-то стало тяжелее.

— Так и должно быть. Пока дверь закрыта, ты хочешь вой-

ти. Когда открываешь — понимаешь, что за ней.

— Вы жалеете?

— Нет. Но некоторые вещи легче вынести, пока не начинаешь их любить.

— Что именно?

— Семью. Дом. Людей, которых можешь потерять. Когда тебе нечего терять, быть смелым легко.

Эти слова задели меня сильнее, чем он, наверное, хотел. Но я ничего не ответил.

Вскоре мы заметили вдалеке дым. Он поднимался тонкой полосой из-за скал и сухих кустов.

— Лагерь.

Мы спешили чуть раньше, чем могли бы выдать себя. Подобрались ближе и спрятались за большим валуном. Отсюда уже был виден костёр, несколько лошадей и люди — пятеро, может быть, шестеро. Один из них ходил возле привязанного коня. Даже издали было видно, что это был хороший жеребец: крупный, нервный, сильный.

Помощь запаздывала. Солнце поднималось всё выше, пот стекал по шее, а камень под ладонями был горячим. Я уже начал думать, что Доменико задержали или он передумал, когда вдалеке наконец показались всадники.

Пьетро заметил их одновременно со мной.

— Подкрепление.

Он вынул пистолет и посмотрел на меня.

— На счёт три встаём и стреляем. Не геройствуй. Целься

быстро. И не забывай дышать.

— Понял.

— Раз... два... три.

Мы вскочили. Выстрелы почти слились в один звук. Люди у костра дёрнулись, закричали, кто-то бросился к коням, кто-то рухнул сразу, кто-то в панике прыгнул за камни. Ещё через несколько секунд в лагерь влетели люди Доменико.

Дон Доменико сам спешил, держа в руке ружьё.

— Кто у вас главный?

Один из воров, молодой, заросший и уже смертельно испуганный, поднял руки.

— Я...

— Приведите его сюда. На колени.

Люди Доменико сделали это без лишних слов. Мужчину подтащили ко мне почти вплотную. Я видел, как у него дрожат губы.

— Зачем вам лошадь?

— Дон Микеле Кастро... он велел украсть коня и привести ему.

В этот раз даже ветер, казалось, на секунду стих.

— Чёрт. Только его мне ещё не хватало.

Он посмотрел на меня, потом на Пьетро.

— Винченцо, со мной. Поведёшь коня. Остальные — преподайте урок этим мерзавцам. Такой, чтобы в следующий раз они вспоминали его раньше, чем полезут в чужие дела.

Мы вернулись во владения Доменико уже ближе к вече-

ру. Коня отвели в стойло, поставили рядом охрану, а люди дома переговаривались тише обычного. Все понимали: дело вышло за рамки простой кражи.

За ужином разговор быстро зашёл о Микеле Кастро.

— Его люди наглеют всё сильнее.

— Сегодня конь, завтра виноградник, послезавтра кто-то решит испытать нас на дороге.

Доменико отрезал ножом кусок мяса, вытер пальцы салфеткой и лишь после этого заговорил.

— Да, что-то делать нужно. Но не сейчас. Война — это не драка в переулке. Её не начинают, пока не посчитали цену. Через несколько дней будут скачки. На Сицилию приедут важные люди. Я хочу, чтобы они запомнили это место не как грязный клочок земли, где каждый хватается ружьё, а как дом, где умеют вести дела красиво.

Кто-то кивнул. Кто-то промолчал.

Доменико продолжил:

— Завтра приезжает синьор Лоренцо Валери. Мы должны произвести на него впечатление. Конь должен быть показан в лучшем виде. И вино тоже. На скачках мы продадим не только жеребца, но и память о себе. Запомните это.

Ночь опустилась мягко, по-южному, без спешки. После ужина люди разошлись. Я вышел к утёсу, откуда открывался вид на город и море. Внизу мерцали огни Таормины, а над водой лежала тёмная гладь, похожая на отполированный металл. Я стоял и молчал, любуясь видом, которого, казалось,

не заслуживал после такого дня.

Через некоторое время ко мне подошёл двоюродный племянник дона Доменико — Лука Скалия.

Лука был старше меня всего на пару лет, но держался так, будто знал про жизнь вдвое больше. В нём было больше насмешки, чем осторожности, больше лёгкости, чем молчания. Иногда мне казалось, что он специально говорит лишнее, потому что вырос в доме, где остальные слишком хорошо знали цену словам.

— Энцо, что-то ты сегодня слишком задумчив.

Я обернулся и сразу нахмурился.

— Не называй меня так.

— Как? Энцо? А что в этом плохого?

— Мне не нравится.

Лука театрально развёл руками.

— Хорошо, хорошо. О великий и суровый синьор Винченцо Риццо, да будет угодно вашему достоинству простить мне эту дерзость. А теперь ответь: что с тобой?

Я невольно усмехнулся.

— Ты невыносим.

— Зато честен. Так в чём дело?

Я снова посмотрел на море.

— Сегодня я впервые стрелял в людей. Да, перестрелка была небольшой. Да, всё быстро закончилось. Но я до сих пор слышу этот звук.

Лука прислонился плечом к камню рядом со мной.

— Первый раз всегда остаётся в голове дольше остальных.

— А потом проходит?

— Не совсем. Просто становится частью тебя. Как шрам.

Сначала болит, потом ты привыкаешь жить так, будто всегда носил его.

Я не ответил.

— Ты думаешь, что это делает тебя хуже?

— Я думаю, что это делает меня ближе к тому миру, в который Доменико хочет меня ввести. И пока не понимаю, нравится мне это или нет.

— Тебе не обязательно должно нравиться. Достаточно, чтобы ты выдержал.

Он немного помолчал, потом неожиданно сменил тон:

— Ладно, хватит о серьёзном. Скажи лучше — у тебя есть девушка?

Я фыркнул.

— Нет. И при чём тут это?

— Просто интересно. Ты смотришь на мир так, будто уже женат на своей мрачности.

— А ты говоришь так, будто у тебя в каждой деревне по невесте.

Лука довольно усмехнулся.

— Не в каждой. Только в тех, где кормят хорошо.

Я всё же рассмеялся.

— Вот, уже лучше. А теперь иди спать. Завтра будешь стоять перед важным человеком, а глаза у тебя будут, как у ры-

бака после трёх ночей без сна. Ты ещё слишком молод, чтобы так красиво уставать.

— Иди уже, юморист.

Лука поклонился мне с преувеличенной важностью и ушёл. Вскоре ушёл и я.

Следующее утро было жарким и солнечным. Дом с раннего часа пришёл в движение. Слуги бегали между кухней, двором и конюшнями. Столы накрывали быстрее обычного. Слуга в стойле расчёсывал коня так тщательно, словно готовил не животное, а князя. Дон Доменико стоял у ворот и ждал важного гостя.

Карета синьора Лоренцо Валери показалась ближе к полудню. Она въехала во двор мягко, без спешки, как въезжают туда, где не сомневаются, что их ждут. Из неё вышел сам синьор — высокий, ухоженный, в дорогом костюме, с лицом человека, который привык считать деньги, не теряя вежливости.

— Buongiorno a tutti.

Доменико шагнул ему навстречу.

— Buongiorno, мой дорогой друг. Сицилия рада видеть человека, который ещё умеет отличать хорошего коня от красивой легенды.

Лоренцо усмехнулся.

— А ты всё такой же. Не успел я выйти из кареты, а ты уже пытаешься продать мне не только жеребца, но и своё красноречие.

— Красноречие я отдаю бесплатно. За остальное берут деньги. Пойдём, покажу тебе, ради чего ты проделал путь из Рима.

Мы отправились к стойлу. Там стоял конь — красивый, собранный, сильный, с тёмной блестящей шерстью и длинной шёлковой гривой. Он беспокойно бил копытом и настораживал уши, но в этом была не дикость, а породистая гордость.

— Стендардо.

Лоренцо медленно обошёл коня кругом, не торопясь, как человек, который умеет наслаждаться тем, за что всё равно заплатит дорого.

— Да... Видно, что кровь у него хорошая. Сколько ты хочешь за этого красавца?

— Три тысячи семьсот лир.

Лоренцо тихо присвистнул.

— Неплохо ты ценишь свои мечты.

— Не мечты. Результат. Хочешь дешёвую лошадь — покупай у бедняка. Хочешь победителя — плати мне.

Лоренцо чуть улыбнулся.

— Вот за это я и люблю иметь с тобой дело. Ты никогда не стыдишься цены, если знаешь цену вещи.

Он ещё раз провёл ладонью по шее коня.

— Беру. Что ж делать, скоро скачки, а такой жеребец приходит не каждый день.

Деньги передали тут же. Дон Доменико пересчитал их

быстро, без показной жадности. Лоренцо велел своим людям увести Стендардо. Оставаться гостить он не стал — у него уже был куплен дом неподалёку, и, по его словам, на острове у него имелись свои дела.

Но пока он стоял во дворе, пока люди держали поводья и солнце било в камень стен, я почему-то почувствовал, что вместе с деньгами за коня в наш дом вошло что-то ещё. Как будто сама жизнь, до сих пор казавшаяся привычной и понятной, понемногу начинала переплетаться с чем-то большим, тёмным и неизбежным.

Лоренцо уехал вскоре после расчёта, и пыль от его кареты ещё не успела осесть на дороге, когда дон Доменико велел позвать меня и Луку к себе в кабинет. Там уже стоял Пьетро, прислонившись плечом к книжному шкафу, а у стола ждал ещё один человек — Альфио Витале, сухощавый, смуглый, с тонкими пальцами винодела и глазами торговца, который по одному глотку отличит честное вино от разбавленного. Он заведовал у Доменико винными делами и умел расставить бутылки так, что даже бедняк начинал чувствовать себя синьором, если у него хватало денег на покупку.

Доменико стоял у открытого окна и смотрел на склон, пока мы не вошли. Потом обернулся, медленно сел за стол и сцепил пальцы. В его молчании уже чувствовалось дело.

— Завтра едем в Катанию. Там будут скачки. Не такие, о которых судачат на каждом углу, а такие, на которые съезжаются люди с деньгами, честолюбием и дурной привычкой

рисковать всем ради нескольких минут славы.

Лука, как всегда, откликнулся первым.

— И, разумеется, ты позвал нас не просто смотреть на чужих коней?

— Если бы мне нужны были зрители, я посадил бы у дороги старух, — сказал Доменико. — Мне нужны люди, которые умеют держать язык за зубами и работать.

Он кивнул Альфио.

— Мы повезём вино в наш магазинчик на главной площади, — сказал Доменико. — Люди придут за бутылками, а заодно — за разговором, слухами и ставками. Под магазином есть подвал. Там вы сядете за стол и будете принимать деньги на коней. Тихо. Быстро. Без лишнего шума. Пьетро проследит, чтобы к вам не сунулись карабинеры раньше времени.

Я переглянулся с Лукой. В его глазах уже мелькнул азарт. В моих — наверное, что-то другое: смесь любопытства и ощущения, что меня всё глубже вводят в дела семьи.

— А с кем вы будете заниматься вином, дон? — спросил я.

— С Альфио. Он лучше любого из вас знает, как поставить бутылку на полку так, чтобы она выглядела на две лиры дороже. А вы займётесь подвалом. Там нет места для ошибок.

— И много мы будем брать? — спросил Лука.

— Два процента с каждой ставки. Не больше. Жадность губит быстрее, чем полиция. Пусть люди думают, будто мы просто любезно помогаем им расстаться с деньгами.

Лука усмехнулся.

— А если я сам захочу поставить? Для родственников, надеюсь, скидка полагается?

Доменико посмотрел на него так, что даже я невольно выпрямился.

— В доме, который держится на порядке, особенных нет, — сказал Доменико. — С тебя тоже возьмут процент. И если проиграешь, не смей потом смотреть на меня так, будто я украл у тебя судьбу.

Пьетро едва заметно дёрнул уголком рта — у него это заменяло смех.

— Считай, Лука, что это плата за родственную близость.

— Удивительно, — сказал Лука. — Чем ближе семья, тем дороже она обходится.

Доменико поднялся.

— Вот именно. Поэтому выпитесь. Выезжаем до рассвета.

* * *

В Катанию мы отправились на следующий день: дон Доменико, Пьетро, Лука, Альфио и я. Поездка была нагружена ящиками с вином до самого верха. Дорога шла вдоль склонов и каменных стен, над которыми плыли утренние запахи моря, пыли и трав. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше становилось людей на дорогах: крестьяне с корзинами, торговцы с мулами, дети, бегущие за повозками, женщины в тёмных платках и мужчины, которые уже по походке

умели показать, есть у них деньги или только гордость.

Катания встретила нас широкой площадью, белым камнем фасадов, шумом телег и криками рынка. Наш магазин стоял в хорошем месте — не на самом виду, но и не в тени, ровно там, где серьёзные люди предпочитают вести серьёзные дела. Ставни были закрыты, дверь тяжёлая, с потемневшей бронзовой ручкой. Дом давно принадлежал семье Доменико и открывался только по случаям, когда в городе собиралось много народа и ещё больше денег.

Мы разгрузили ящики, и Альфио с доном занялись бутылками. Альфио работал так ловко, словно расставлял не вино, а солдат перед парадом. Насыщенное красное — вперёд, молодое светлое — ближе к окну, редкие бутылки — туда, где взгляд задерживается дольше всего. Я помог перенести несколько ящиков вниз, а потом вместе с Лукой спустился в подвал.

Подвал был прохладным, сводчатым, с каменными стенами и низким потолком. Мы поставили по центру длинный стол, разложили бумаги, чернильницу, маленькие мешочки для монет и семь шкатулок с именами коней. Я смотрел на эти названия, выведенные чёрными буквами по светлому дереву, и думал, как легко человеческие надежды складываются в коробки.

На крышках стояли имена: Стендардо, Неро Реале, Фульмине, Омбра Росса, Валоре, Гран Дука и Темпеста.

Лука провёл ладонью по одной из шкатулок и присвист-

нул.

— Красиво. Почти церковно. Только люди здесь будут молиться не о спасении души, а о выигрыше.

— Обычно это почти одно и то же, — сказал я.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Вот видишь. А ты говоришь, что у тебя нет чувства юмора.

К вечеру всё было готово. Мы заперли лавку и пошли в ближайший albergo — старую гостиницу с узкими лестницами, скрипучими дверями и бельём, пахнущим крахмалом и сыростью. Спали мы мало, потому что каждый в той или иной мере ждал завтрашнего дня.

* * *

С утра площадь уже гудела, как растревоженный улей. Торговцы ставили палатки с виноградом, мёдом, орехами, рыбой, маслом, деревянными игрушками и дешёвыми иконами. Над камнем висели запахи жареного теста, навоза, пота, сладкого вина и морской соли. В толпе мелькали шляпы богачей, платки крестьянок, мундиры карабинеров и пиджаки шулеров, которые в такие дни всегда появлялись сами собой, как мухи на разрезанном фрукте.

Участники скачек прибывали один за другим. У одних были красивые кареты и конюхи в ливреях, у других — только крепкие сапоги, надменные лица и наездники, умевшие казаться богаче своих хозяев. Один человек прибыл вовсе без свиты, сам ведя коня под уздцы, и это почему-то внуша-

ло уважение сильнее, чем любая позолота.

Последним приехал Лоренцо Валери. Дон Доменико встретил его у входа в лавку и улыбнулся тем особым образом, которым улыбаются только людям, с которыми хотят и дальше иметь дела.

— Лоренцо, почему ты сегодня последний? Обычно ты приходишь первым даже туда, где ещё не открыли двери.

Лоренцо поправил перчатку и усмехнулся.

— Важные дела, мой друг. А важные дела не спрашивают, удобно ли мне опаздывать.

— Надеюсь, к началу забега ты успел не только приехать, но и подумать, на чём собираешься побеждать.

— Для этого я у тебя позавчера и купил лучшего коня.

После этих слов он ушёл к другим владельцам, а мы открыли лавку. Сначала люди заходили за вином. Потом — уже не столько за вином, сколько за тем, о чём им шептал Лука с таким видом, будто приглашал не в подвал, а в тайное братство. На удивление много народу пошло вниз. Одни несли серебро, другие — бумажные деньги, третьи вытаскивали из карманов мятые банкноты с таким выражением, будто отдавали их на волю судьбы, а не двум молодым парням за деревянным столом.

Больше всего ставили на Фульмине — жеребца нового богатого француза, который совсем недавно появился на Сицилии и уже успел заставить говорить о себе больше, чем о местных старых фамилиях. У коня была громкая слава, у хо-

зяина — ещё громче кошелёк, и толпа, как это часто бывает, приняла одно за доказательство другого.

Мы с Лукой работали быстро. Он принимал ставки и шутил так, что люди охотнее развязывали кошельки. Я записывал суммы, имена и следил, чтобы каждая ставка легла в нужную шкатулку. Пьетро время от времени спускался вниз, молча обводил взглядом комнату и снова поднимался наверх. Самое странное было в том, что подпольное дело нередко выглядит гораздо пристойнее, чем законное: люди стояли в очереди, говорили вполголоса и даже снимали шляпы у входа, будто приходили не к букмекеру, а в нотариальную контору.

Когда первые крики с площади сообщили о начале скачек, подвал был уже полон горячего воздуха, денег и надежд. Мы по очереди поднимались наверх, чтобы смотреть на дорогу между ставками. Забег проходил в три круга. Пыль стояла такая, что временами казалось: кони несутся не по земле, а внутри сухого золотистого облака.

Сначала вырвался вперёд Гран Дука — тяжёлый, мощный, удивительно ровный на ходу. За ним почти сразу пошла Омбра Росса, гибкая, быстрая, с тем рывком, который бывает у хороших кобыл и плохих людей. К концу первого круга всех обошёл Стендардо, и я невольно подумал, что Лоренцо всё-таки знал, за что платил три тысячи семьсот лир. Конь шёл красиво — не просто быстро, а так, будто понимал цену каждого взгляда, прикованного к нему с площади.

На втором круге Валоре стал уверенно подбираться к ли-

дерам. Толпа уже не кричала, а ревела. Мужчины размахивали шляпами, женщины вставали на цыпочки, мальчишки лезли на бочки и заборы. И именно в этот момент в подвал влетел Пьетро.

Лицо у него было таким, что всё стало ясно раньше слов.

— Карабинеры. Уже рядом. Собирайте деньги. Сейчас.

Лука вскочил так резко, что стул упал на каменный пол.

— Сколько их?

— Достаточно, — сказал Пьетро. — Не считай. Хватай шкатулки.

Дальше всё превратилось в лихорадку. Мы ссыпали деньги в мешки, хватали всё, что успевали, и бросались к чёрному выходу в глубине подвала. Наверху уже слышались тяжёлые шаги, крики и грохот распахиваемой двери. Один посетитель попытался рвануть вслед за нами, но Пьетро оттолкнул его так, что тот врезался спиной в стену.

— Назад. Сам выбрал — сам и объясняйся.

Мы выскочили в узкий переулок. Сердце колотилось так, будто хотело пробить грудь. Я бежал первым, прижимая мешок к боку, за мной — Лука, а позади слышались тяжёлые шаги Пьетро. Потом где-то за спиной раздался окрик, другой, звон железа, лай собак — и в какой-то момент я перестал понимать, кто из нас где. В этой беготне город превратился в один сплошной лабиринт из камня, дыма, криков и поворотов.

Когда мы с Пьетро добежали до повозки и закинули туда

деньги, я только тогда понял, что Луки рядом нет.

— Где он? — спросил Пьетро.

— Только что был за мной. Я думал, он выбежал следом.

Пьетро мрачно оглянулся на улицу, где уже нарастал шум.

— Или выбежал, или не успел.

Я сжал край повозки так сильно, что заболели пальцы.

— Может, спрятался?

— Надейся. Пока этого достаточно.

Мы гнали домой без остановок. Колёса стучали по дороге, лошади храпели, а в голове у меня всё время стояло одно и то же — не крики карабинеров, не звон монет, а пустое место рядом, где ещё минуту назад бежал Лука.

* * *

Дон Доменико ждал нас у ворот ещё до того, как слуги успели распрячь лошадей. Он не повысил голос сразу. Это было хуже любого крика.

— Деньги взяли? — спросил Доменико.

— Да, дон, — сказал я.

— Все?

— Почти всё, что было в подвале, — сказал Пьетро. — Чуть больше тринадцати тысяч. По первому подсчёту — около тринадцати тысяч четырёхсот лир.

На лице Доменико мелькнуло что-то похожее на холодное удовлетворение, но исчезло в ту же секунду.

— Неплохо. А Лука где?

Я молчал слишком долго, и этого хватило.

— Вы его оставили.

— Мы думали, он успел уйти другим переулком, — сказал я.

Доменико подошёл ближе. Его взгляд был тяжёлым и неподвижным.

— Не успел. Его схватили во время облавы. Сейчас он в тюрьме Катании.

У меня внутри всё похолодело.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у меня, в отличие от вас, есть люди не только в подвалах, но и в городе. И потому что чужие ошибки приходится исправлять быстро, пока они не стали могилами.

Пьетро слегка склонил голову — не от страха, а как человек, принимающий удар, который заслужил.

— Мы вытащим его.

— Вытащите. И срочно. Пока он не успел надоесть следователю или, что хуже, оказаться полезным. Лука болтлив, когда весел, и упрям, когда зол. Мне не нравится ни одно из этих состояний внутри тюремной камеры.

— Мы едем сейчас, — сказал я.

Доменико посмотрел сначала на меня, потом на Пьетро.

— Едете сейчас. И лучше бы вам вернуться до рассвета. С деньгами я разберусь сам. А с вами — потом.

* * *

Мы выехали почти сразу. Ночь уже легла на дороги, но воздух всё ещё хранил дневное тепло. Некоторое время мы с

Пьетро молчали, слушая только стук копыт и тяжёлое дыхание коней. Мне казалось, что каждое промедление работает против Луки.

Наконец я заговорил первым.

— Через главные ворота не пройти.

— Это ты понял быстро. Приятно видеть, что не всё сегодняшнее утро пропало зря.

— Подкуп?

— Слишком долго. И слишком шумно. Подкуп хорош, когда у тебя есть время выбирать человека. У нас его нет.

Я немного помолчал, потом вспомнил рассказы старых лодочников о подземных водостоках под северной частью Катании — полузабытых, сырых, вонючих, но всё ещё живых там, где город предпочитал о них не думать.

— У северной тюрьмы есть старые туннели к берегу. Когда-то через них уходила вода после штормов. Ещё раньше ими пользовались контрабандисты. Если решётки внизу не заварены, можно пройти от моря.

Пьетро повернул ко мне голову. В темноте его лицо казалось вырезанным из камня.

— Откуда знаешь?

— Слышал от лодочников. И от мальчишек в порту. Такие истории они рассказывают, когда хотят выглядеть умнее и опаснее, чем есть на самом деле.

— Иногда именно такие истории и спасают жизнь.

Он чуть натянул поводья, словно уже собирал в голове

карту.

— Допустим, пройдем снизу. Дальше что?

— Если повезёт, выйдем в подвал или к складам. Найдём лестницу. Найдём Луку. Если не сможем открыть камеру — возьмём ключи.

— «Если повезёт» — плохой план. Но сегодня у нас и правда нет лучшего.

Он взглянул на меня ещё раз, уже внимательнее.

— Когда всё кончится, я, возможно, даже скажу, что ты не совсем бесполезен.

— От вас это почти похвала.

— Не обольщайся. Почти — ещё не значит да.

* * *

К берегу мы добрались глубокой ночью. Море дышало тяжело и ровно. Между скалами чернели старые трубы и каменные отверстия, куда во время непогоды уходила вода. Оттуда тянуло солью, тиной и такой сыростью, что даже кожа на руках сразу стала холодной.

Мы спешились, привязали лошадей в тени скалы и полезли внутрь. Туннели были низкими, скользкими, местами приходилось идти почти согнувшись. Где-то под ногами стояла вода, где-то камень был сухим, шершавым и покрытым пылью. Шли мы долго — или мне так казалось. В темноте время теряет привычный порядок и превращается просто в шаги.

Наконец впереди показалась узкая лестница вверх, а над

нею — решётка. Пьетро поднялся первым, осторожно надавил плечом. Решётка скрипнула, поддалась и открылась на удивление легко.

— Либо здешняя стража ленивее свиней, либо Господь сегодня решил нас не ненавидеть.

Мы выбрались в подвал тюрьмы. Вокруг стояли бочки и старые ящики, валялись обрывки верёвок. Пахло плесенью. Всё говорило о том, что порядок тут любили на словах, а не на деле. Из дальнего коридора доносился чей-то храп.

Мы двинулись к лестнице и осторожно поднялись выше. Коридор с камерами был тускло освещён одной коптящей лампой. За дверьми кто-то кашлял, кто-то бормотал во сне, кто-то, наоборот, молчал так, что становилось не по себе.

Луку мы нашли быстро. Он лежал на соломе, закинув руку под голову, так спокойно, будто ночевал не в тюрьме, а в чужой гостевой комнате.

— Вот уж кому везёт спать в любых обстоятельствах, — сказал я.

Пьетро попробовал открыть замок отмычкой, но тот оказался упрямее, чем выглядел.

— Проклятье. Либо я старею, либо здешний кузнец однажды сделал хоть что-то хорошо.

— Тогда ключи.

Мы прошли к комнате стражи. Дверь была приоткрыта. Внутри за столом, уткнувшись подбородком почти в грудь, спал охранник. Перед ним стояла кружка, пахнувшая кислым

вином, а на стене висела связка ключей.

Я вошёл первым. Доски под сапогами едва слышно скрипнули, но охранник только шумнее всхрипнул и почесал щеку. Я снял ключи с гвоздя так осторожно, будто снимал гадюку с ветки. Лишь когда мы снова оказались в коридоре, я позволил себе выдохнуть.

Третий ключ подошёл.

Лука открыл глаза ещё до того, как дверь распахнулась полностью.

— Наконец-то. Я уж начал думать, что вы решили оставить меня тут до старости.

— С твоим характером тебя бы и старость не выдержала, — сказал я.

Лука сел, потянулся и недовольно поморщился.

— Предупреждаю сразу: если вы пришли за мной так поздно, значит, ужин я вам никогда не прощу.

— Будешь говорить ещё громче — получишь второй срок прямо сейчас, — сказал Пьетро.

Лука поднялся, отряхнул одежду и, к моему удивлению, даже улыбнулся.

— Я вас ждал.

— Конечно, — сказал я. — Поэтому и спал как младенец.

— Сон — это не слабость. Это доверие к семье.

— Двигайтесь, — сказал Пьетро. — Пофилософствуешь на воле.

Мы ушли тем же путём, каким пришли. Лишь однажды

где-то наверху хлопнула дверь, и мы все трое замерли в чёрной сырости туннеля, но тревога нас миновала. Когда впереди снова запахло морем, я впервые за эту ночь почувствовал, что, возможно, мы действительно выберемся.

* * *

Когда мы выбрались наружу и отвязали лошадей, небо на востоке уже начало бледнеть. Ехали мы быстро, но теперь в этой спешке было что-то почти радостное. Лука, как человек, который выжил и тут же решил вознаградить себя разговорами, молчать не собирался.

— Должен сказать, для спасителей вы выглядите не слишком нарядно. Я рассчитывал хотя бы на плащи, кинжалы в зубах и более торжественные лица.

— В следующий раз предупреди заранее, в какую тюрьму тебя посадят, — сказал я. — Подготовим всё как следует.

Лука фыркнул.

— Следующий раз? Ты говоришь так, будто я хожу туда отдыхать.

— С тобой никогда нельзя быть уверенным, — сказал Пьетро.

Лука рассмеялся и поудобнее уселся в седле.

— Между прочим, камера была маленькая, солома кололась, а суп пах так, будто в него сначала уронили сапог, а потом уже бросили фасоль. Так что, если кто-то из вас завидует моему приключению, могу уступить место.

— Нет уж, — сказал я. — Мне этой беготни хватило. Осо-

бенно той части, где ты исчез в самый неподходящий момент.

Лука помолчал и уже другим тоном сказал:

— Я не нарочно отстал. Один карабинер выскочил прямо из боковой двери. Я свернул, думал, выйду к вам через соседний проулок. А потом их стало трое.

— Главное, что язык твой остался при тебе и не успел никому послужить, — сказал Пьетро.

Лука покосился на него.

— Вы обо мне невысокого мнения.

— Наоборот. Именно поэтому и приехали.

На этот раз Лука не нашёлся с шуткой сразу. Он только усмехнулся и тронул поводья.

— Ладно. Запомню это как признание в любви.

— Только не вздумай потом рассказывать, что тебя спасали с нежностью, — сказал я.

— Почему же? Звучит красиво. «Пьетро ворвался за мной в ночь с глазами святого и характером палача».

— Ещё одно слово — и я лично верну тебя обратно, — сказал Пьетро.

Мы все трое всё-таки рассмеялись. И в этом смехе было что-то большее, чем облегчение. Наверное, именно так люди и становятся семьёй: не тогда, когда едят за одним столом, а тогда, когда ночью вытаскивают друг друга из беды и на обратной дороге ещё находят силы смеяться.

* * *

Когда мы вернулись домой, в окнах особняка ещё горел свет. Дон Доменико не спал. Он стоял внизу, у лестницы, и ждал нас так спокойно, будто заранее знал, что мы войдём именно в эту минуту.

— Grazie a Dio, siete tornati.

Лука снял шляпу и чуть склонил голову.

— Как видите, даже тюрьма Катании не пожелала меня удерживать.

Доменико бросил на него короткий взгляд.

— Для начала я рад, что ты жив. Всё остальное обсудим потом.

Я шагнул вперёд.

— Нам повезло, дон. Тюрьма была дрянная. Охрана спала, решётка внизу держалась на честном слове.

Доменико вдруг нахмурился.

— Какая тюрьма? На севере города или у побережья?

— На севере, — сказал Пьетро.

Несколько секунд дон молчал. Потом медленно опустил взгляд, словно перебирал в уме чьи-то имена.

— Странно. Очень странно. Его должны были посадить в тюрьму у побережья.

— А почему именно туда? — спросил Лука.

— Потому что она крепче. Потому что там лучше караулы. И потому что, если бы карабинеры захотели по-настоящему прижать меня, они посадили бы родственника именно туда. А не в эту северную дыру, куда можно влезть из старого

водостока, если у тебя хватает наглости и везения.

Лука развёл руками.

— Может, им просто не повезло встретить людей умнее себя.

Доменико не улыбнулся.

— Нет. Здесь что-то другое.

Он прошёлся по комнате, остановился у окна и посмотрел в темноту за стеклом.

— Либо кто-то внутри пожалел тебя. Либо кто-то снаружи хотел, чтобы вы сумели тебя вытащить. А я не люблю ни милосердия, ни подарков, когда не знаю, кто за них заплатил.

Эти слова повисли в воздухе тяжелее дыма.

— Прикажете выяснить? — спросил Пьетро.

— Разумеется. Но не сегодня. Сегодня вы трое пойдёте спать и будете молчать о том, что делали ночью. Деньги мы пересчитаем утром. Карабинеры — люди упрямые, но ленивые. Они ещё какое-то время будут уверять самих себя, что всё держат под контролем.

Он повернулся ко мне.

— А ты, Винченцо, запомни эту ночь. Иногда человека принимают в мир семьи не клятвой, а тем, что он делает, когда страх уже стоит рядом и дышит ему в лицо.

Я ничего не ответил. Только кивнул.

Потому что в ту ночь я понял ещё одну вещь: в мире, куда я входил, опасность редко приходит одна. Она почти всегда ведёт за собой вторую — ту, которой ты пока не видишь.

Именно с этим чувством я поднялся к себе утром, зная, что настоящие вопросы для нашей семьи только начинаются.

CAPITOLO III

IL SIGNOR ASTUTO

(Хитрый синьор)

Спустя три месяца

Утро выдалось редкостно ясным. Солнце уже поднялось над холмами и щедро заливало светом дальние виноградники, каменные стены, крыши конюшен и кипарисы, стоявшие по краю дороги, как молчаливые часовые. Воздух был тёплым, сухим и пах солью, травой и чем-то почти мирным — тем редким покоем, которого в моей жизни всегда было меньше, чем хотелось.

За те три месяца, что прошли после скачек, я по-новому ощутил своё место в доме Скалия. Скрип лестницы перестал казаться мне чужим, тяжёлые стены особняка больше не напоминали о том, что я здесь не родился, а люди семьи смотрели на меня уже не как на сироту под крышей дона, а как на человека, которого проверяют делом и временем. Жалости в нашем мире не было вовсе. Здесь уважение добывали молчанием, верностью и работой.

Я оделся, пригладил волосы и спустился вниз по массивной лестнице. Ещё с середины пролёта я почувствовал запах свежего хлеба, горячего молока и крепкого кофе. Внизу уже

хлопотала донна Розалия — жена дона Доменико, женщина тихая, собранная и удивительно надёжная. Она никогда не вмешивалась в мужские разговоры, но в доме её присутствие ощущалось так ясно, словно именно на её спокойных плечах держалась половина всего порядка.

Сам дон Доменико сидел за столом и читал газету. Он был уже одет, как человек, который собирался не завтракать, а сразу после завтрака решать чужие судьбы.

— Buongiorno, — сказал я. — Как спалось?

Дон медленно поднял глаза от газеты, посмотрел на меня поверх страницы и едва заметно кивнул.

— Отлично, Винченцо. Отлично.

Розалия обернулась ко мне с мягкой, почти материнской улыбкой.

— И тебе доброе утро. Будешь завтракать?

— А что у нас сегодня?

— Кофе, молоко, белый хлеб, масло, свежая рикотта, мёд и тёплые бриуши, — ответила она. — Для мужчины, который собирается с утра ездить по делам, — самое то.

— От такого грех отказываться.

— Тогда садись.

Я опустился на стул напротив дона. Стол покрывала белая скатерть, на ней уже стояли кофейник, глиняный кувшин с молоком, доска с хлебом, блюдо с рикоттой и маленькая чашка с густым янтарным мёдом. Всё выглядело просто, но именно в этой простоте и было достоинство дома, где умеют

жить хорошо, не превращая недостаток в дешёвую показуху.

— Доменико, у нас есть сегодня какие-нибудь дела? — спросил я, наливая себе кофе.

Он отложил газету, сделал маленький глоток и ответил без спешки:

— У нас всегда есть дела.

— И какие именно?

— Помнишь Кармело Ферранте?

— Ещё бы. После истории со Стендардо трудно забыть такого человека.

— Так вот. Он разводит своих коней на моей земле, которую арендует у меня уже давно. За последний месяц он не заплатил ни лиры. Срок уплаты истёк неделю назад. А долги, Винченцо, если им позволить залежаться, очень быстро начинают пахнуть слабостью хозяина.

— Хочешь, чтобы я съездил к нему?

— Хочу, чтобы ты не просто съездил, а вернулся с деньгами. Возьми с собой кого-нибудь. Проведай его. Напомни, чья земля кормит его коней.

— Хорошо. Как только позавтракаю, сразу поеду.

— Вот и славно.

Розалия поставила на стол последние блюда и сказала мягко, но с той домашней уверенностью, которую мужчины ценят больше любых громких речей:

— Buon appetito, uomini.

Мы с доном почти одновременно ответили:

— Спасибо.

Завтрак прошёл тихо. Доменико, как всегда, не тратил лишних слов за столом, а я ловил себя на том, что начинаю любить такие утра: тяжёлый деревянный стол, запах кофе, неторопливую хозяйственность Розалии и то особое спокойствие, которое бывает лишь там, где человек хотя бы на один час забывает, что мир за воротами держится на страхе и долгах.

Когда с едой было покончено, я поднялся из-за стола.

— Пойду разбужу Луку.

— Иди, — сказал дон. — Только смотри, чтобы он не выехал к полудню. Иначе я решу, что вы оба родились не для дел, а для театра.

Лука спал так крепко, будто у него не было ни семьи, ни обязанностей, ни привычки раздражать людей с самого утра. Я распахнул дверь без стука и подошёл к кровати.

— Лука. Подъём.

Он что-то невнятно пробормотал в подушку и не двинулся с места.

— Лука, собирайся. Мы едем к Кармело Ферранте.

Один его глаз всё-таки открылся.

— Зачем?

— Забрать арендную плату. Он задолжал дону.

Лука перевернулся на спину и страдальчески вздохнул.

— О Боже. С утра и уже чужие долги. Дай мне десять минут. Жди внизу и приготовь лошадей.

— Ты мне давай тут не распоряжайся. Разошёлся, буржуа. Он приподнялся на локте и усмехнулся.

— Ой-ой, какие мы суровые. Иди уже. Так будет быстрее.

— Я жду тебя внизу. Ровно десять минут.

— Если перестанешь стоять надо мной, как над покойником, уложусь и в девять.

Во дворе я велел подать двух лошадей и сам проверил подпруги. Солнце поднялось выше, свет сделался резче, а дальние холмы — будто суше и старше. Наконец появился Лука — умытый, причёсанный и, как всегда, выглядевший так, будто ехал не за долгом, а на свидание.

— Видишь? Я почти не опоздал.

— «Почти» — ключевое слово.

Мы сели в сёдла и выехали со двора. Дорога к владениям Кармело шла между каменными террасами, виноградниками, оливковыми рощами и участками выжженной солнцем земли. Слева иногда вспыхивало море — яркое, синее, слишком красивое для мира, где мужчины так легко режут друг друга из-за денег, земли и гордости.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Лука первым нарушил тишину.

— Красиво, правда?

— Что именно?

— Всё. Холмы, море, виноград, запах травы. Иногда мне кажется, что если бы я родился в семье пекаря, а не в нашей, давно бы стал либо поэтом, либо ленивым мужем при кра-

сивой женщине.

— Между поэтом и ленивым мужем у тебя, как я погляжу, не такая уж большая разница.

— Ошибаешься, — серьёзно возразил Лука. — Ленивый муж — это призвание. А поэт — несчастье.

Я фыркнул.

— И как много у тебя призваний на сегодняшний день?

Лука расплылся в довольной улыбке.

— Достаточно, чтобы мне не было скучно. Мессина, Катания, Таормина... В каждой стороне острова найдётся хотя бы одна синьорина, которая вспоминает меня с теплом.

— Или с облегчением, что ты уехал.

— Зависть тебе не к лицу.

— Это не зависть. Мне просто интересно, не устаёшь ли ты сам от себя.

— Никогда. Женщины, мой друг, делают жизнь выносимой. Даже когда всё остальное пахнет кровью, потом и старыми долгами.

Я несколько секунд молчал. Внизу, за поворотом дороги, мелькнула белая стена какого-то дома. Дальше тянулись лозы, зелёные и тёмные, а над ними неподвижно стояло светлое небо.

— А если сердце просит не забавы, а чего-то другого? — сказал я наконец.

Лука повернулся ко мне так резко, будто слышал исповедь священника, внезапно решившего стать разбойником.

— Вот это новость. Наш мрачный Винченцо заговорил о сердце.

— Не начинай.

— Нет, я серьёзно. Что ты имеешь в виду?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Просто иногда мне кажется, что человеку мало одних только дел. Мало оружия, мало денег, мало верности. Хочется, чтобы рядом был кто-то, с кем можно не смотреть всё время через плечо.

Лука заметно притих.

— Это называется любовь, мой дорогой. Болезнь, от которой люди сначала дуреют, а потом или женятся, или стреляют друг в друга.

— Очень обнадёживающе.

— Зато честно. Но, знаешь, тебе бы это пошло. А то живёшь так, будто Господь создал тебя исключительно для мести.

— Иногда мне кажется, что так и есть.

— А мне кажется, что ты просто слишком долго жил рядом со смертью. Когда человек с детства видит кровь, ему потом трудно поверить, что в жизни есть ещё что-то хорошее.

— Может быть.

— Есть, поверь. Есть женщины, после которых даже такой упрямец, как ты, начинает говорить не только о долгах.

— Тебе легко рассуждать. У тебя в каждой деревне по кра-

савице.

— Не в каждой. Только в тех, где кормят хорошо.

Я всё-таки рассмеялся. Ветер донёс до нас запах сухих трав и тёплой пыли, и на мгновение всё вокруг показалось до нелепости мирным.

— Вот, уже лучше, — сказал Лука. — Значит, ты ещё не потерял окончательно.

К дому Кармело мы подъехали ближе к полудню. Усадьба была такой же большой, как я её помнил: светлый каменный дом, конюшни, запах кожи, железа, сена и лошадей. Внутри царил тот порядок, который любят люди, знающие цену породистому зверю и доброй упряжи.

Кармело стоял у широкого стола, на котором лежали новые подковы, ремни, седельные пряжки и тяжёлые кожаные попоны. Увидев нас, он улыбнулся так вежливо, что эта вежливость сразу стала подозрительной.

— Buongiorno, Кармело, — сказал я.

— Buongiorno, синьоры. А что вы забыли у меня?

— Не мы забыли, а ты.

Кармело приподнял бровь.

— Да? И что же это я мог забыть у дона Доменико?

— Долг. Ты забыл отдать долг за землю.

Лука лениво прислонился плечом к косяку.

— И лучше обойдёмся без глупостей. Ты и так задержал выплату дольше, чем следовало.

Кармело театрально хлопнул себя ладонью по груди.

— О да. Это моя вина. Был очень занят. Бумаги, конюхи, новые жеребцы... Сам понимаешь, хозяйство. Сейчас поднимусь наверх — деньги там.

— Мы подождём. И без глупостей, Кармело.

— Конечно. А как иначе?

Он ушёл наверх, а мы остались внизу среди тяжёлого запаха кожи и смазанного железа. Лука провёл пальцем по одной из новых подков и тихо сказал, не глядя на меня:

— Такие всегда кланяются особенно низко, когда собираются отдать то, что и так должны были отдать давно.

— Главное, чтобы сегодня он кланялся с деньгами.

Через несколько минут Кармело вернулся с кожаным мешочком. Металл внутри глухо звякнул.

— Вот. Всё до последней лиры.

Я быстро пересчитал деньги и только после этого поднял на него глаза.

— Вот и славно. Впредь такого больше не будет. Сам дон так сказал.

— Хорошо, хорошо. Больше не повторится.

Мы направились к выходу. Уже у двери я обернулся.

— Ещё увидимся.

Кармело выдавил улыбку.

— Arrivederci.

На обратном пути солнце жгло уже сильнее. Дорога дрожала в горячем воздухе, цикады надрывались в кустах, а море вдалеке казалось почти белым от света. День был лени-

вый, богатый на жару и тишину, — такой, в который особенно странно говорить о власти, деньгах и крови. Но именно об этом и заговорил Лука, когда мы выехали на широкую дорогу между виноградниками.

— Ты ведь понимаешь, что сейчас оказался в центре большой игры, Винченцо?

— В каком смысле?

— В том, что Сицилия — это не просто красивые холмы, вино и рыбаки. Здесь каждая хорошая дорога кем-то оплачена, каждая богатая земля кому-то подчиняется, а каждый дом что-то значит. У каждого сильного человека есть своё. И если ты не знаешь, где чьё, однажды можешь сдохнуть только потому, что заехал не в тот виноградник.

— И что же у Доменико?

Лука взглянул вперёд, будто перечислял не имущество, а части собственного тела.

— У дона виноградники, поля, этот дом, конюшни, аренда, люди на дорогах и маленькая деревушка неподалёку, где живут семьи тех, кто служит ему давно. Не всякий там носит пистолет, но всякий знает, кому обязан хлебом. А это иногда крепче верности, которую выбивают страхом.

— То есть дом Скалия держится не только на ружьях.

— Ружья — это последняя фраза в разговоре. До неё идут земля, деньги, уважение, память и долги.

Я некоторое время ехал молча, обдумывая услышанное. Потом спросил:

— А Микеле Кастро?

Лука усмехнулся без веселья.

— Вот это уже другой сорт. Если Доменико — человек земли и дома, то Микеле любит деньги, которые пахнут не вином, а гарью. У него завод в Ачиреале — серное предприятие, где перерабатывают серу и держат материалы для рудников и карьеров. Официально — вполне законное дело. Неофициально — через него идёт слишком много того, о чём лучше не спрашивать вслух.

— И ещё рынок в Катании.

— Да. Часть людей на рынке работает на него. Не напрямую, конечно. Напрямую в наших краях редко работает что-то, кроме страха. Ещё у него есть несколько виноградников и люди, которые любят думать, что им выгоднее идти за сильным и жадным, чем за сильным и умным.

— Ты хочешь сказать, за ним идут глупцы.

— За ним идут и глупцы, и осторожные крысы. А это иногда даже опаснее. Он давний враг Доменико. Ещё со времён твоего деда. Эти двое слишком долго делят одну землю, одни дороги и влияние. Они как два быка на одном пастбище — рано или поздно всё равно сойдутся лбами.

— А остальные семьи?

— Есть мелочь. Небольшие семьи, в которых больше шума, чем силы. Кто-то ходит под нами, кто-то — под Микеле. Самостоятельными они себя называют только за столом, когда выпьют лишнего. На деле же любая из них понимает:

если завтра Доменико или Кастро захотят, от их самостоятельности останутся одни вдовы.

К дому мы вернулись ближе к вечеру. Солнце уже клонилось, длинные тени легли на двор, а в окнах особняка отражался густой золотой свет. Дон Доменико ждал нас на веранде.

Я отдал ему деньги. Он взвесил мешочек в руке и кивнул.

— Наконец-то. Надеюсь, впредь такого больше не будет.

— Мы вроде бы доходчиво ему объяснили.

— Избили?

Я усмехнулся.

— Нет, конечно. Просто поговорили.

— Иногда я забываю, что вы оба ещё способны решать дело без лишних синяков.

К вечеру дом уже готовился к ужину. Розалия распоряжалась слугами, в воздухе пахло жареным мясом, вином и травами. Мы только успели сесть за стол, как во дворе послышались колёса кареты.

Дон Доменико чуть нахмурился.

— В такой час без предупреждения ко мне приезжают либо с очень хорошей новостью, либо с очень плохой.

Через минуту в дом вошёл синьор Лоренцо Валери — безупречно одетый, сдержанный и такой же вежливый, как всегда. Но в этой вежливости сегодня было что-то торопливое, почти нервное.

— Buonasera, — сказал он.

— Buonasera, синьор Лоренцо, — ответил дон. — Чем обязан столь срочному визиту?

— Доменико, мне нужно поговорить с тобой прямо сейчас.

— Присаживайся. Поговорим. Будешь ужинать?

— Нет, благодарю.

Он медленно сел, положил перчатки на стол и некоторое время молчал, словно выверял каждое следующее слово.

— У дона Микеле Кастро есть предприятие в Ачиреале. Ты, думаю, слышал о нём.

— Наслышан.

— Серный завод. Переработка серы. Взрывчатые материалы для рудников и карьеров. Очень хорошие деньги. Очень большие перспективы. Особенно для человека, который умеет смотреть дальше одного урожая.

— К чему ты ведёшь?

Лоренцо слегка подался вперёд.

— Мне нужен этот завод.

За столом стало тихо.

— Нужен — это громкое слово, — заметил Доменико.

— Тогда скажем точнее. Мне нужны документы на него. Если бумаги исчезнут у Кастро и появятся у меня, предприятие станет моим.

Доменико смотрел на него без удивления. Только пальцы его медленно постукивали по дереву стола.

— И где здесь моя выгода?

— Половина прибыли каждый месяц. Пятьдесят процентов — тебе, если твои люди смогут добыть бумаги.

Лука едва слышно присвистнул. Пьетро, стоявший чуть в стороне, никак не изменился в лице. Я же почувствовал, как внутри поднимается знакомое чувство — смесь интереса и недоверия. Слишком большие деньги редко приходят в дом без яда.

— Ты щедр, — сказал Доменико.

— Я практичен. У меня есть деньги, законные связи, люди в конторах и понимание того, что с этим заводом делать дальше. У тебя — сила, которая может решить вопрос там, где деньги и подписи сами по себе ничего не значат. Мы оба выиграем.

— А если я откажусь?

— Тогда я буду искать другой путь. Но предпочёл бы этот. Доменико некоторое время молчал, затем откинулся на спинку стула.

— Такие дела за ужином не решают. Завтра поговорим точнее.

— Хорошо. Тогда приезжайте утром ко мне, в Ачи-Ка-стелло.

— Будем.

Лоренцо поднялся, взял перчатки и, прежде чем выйти, коротко поклонился Розалии.

— Arrivederci.

— Arrivederci, синьор Лоренцо.

Ночью я долго не мог уснуть. Предложение было выгодным — почти слишком выгодным. А в нашем мире всё, что кажется слишком щедрым, обычно либо ловушка, либо начало войны.

На следующее утро мы собирались быстро и почти молча. Даже без завтрака. Во дворе уже ждали лошади. Пьетро проверял подпруги, Лука зевал, не переставая шутить про людей, которые ради чужих денег готовы не дать человеку даже хлеба с утра, а Доменико с самого начала пути был мрачен и куда разговорчивее обычного.

Дорога к Ачи-Кастелло оказалась долгой. Слева тянулось море, справа — сады и каменные стены, среди которых белели богатые дома. Солнце было ярким, ветер — солёным, а сам воздух казался чище, чем возле Таормины. Но чем ближе мы подъезжали к владениям Лоренцо, тем сильнее я чувствовал в доне скрытое раздражение.

— Мне не нравится, когда человек предлагает слишком многое за слишком короткий разговор, — сказал он.

— А мне нравится, — заметил Лука. — Особенно когда речь идёт о прибыли.

Пьетро даже не повернул головы.

— Именно поэтому ты не принимаешь решения за нашим столом.

Доменико сжал поводья.

— Лоренцо не дурак. И уж точно не святой. Если он пришёл ко мне так спешно, значит, либо боится, что завод уйдёт

из-под носа, либо решил использовать нас так, как использует деньги — без всякой привязанности.

— Но если завод действительно у Кастро, его захват ослабит Микеле, — сказал я.

— Именно поэтому я и еду, — ответил дон. — И именно поэтому мне это не нравится ещё сильнее.

Особняк Лоренцо показался из-за поворота так внезапно, будто вырос прямо из белого камня и солнечного света. Высокие ворота, украшенные узором из виноградных лоз и завитков, сияли под солнцем. За ними поднимался сам дом — трёхэтажный, светлый, с широкими окнами, длинной террасой и балконами. Часть фасада обнимала зелёная виноградная лоза, и вся эта красота выглядела дорого, но не безвкусно; в ней чувствовалась рука человека, привыкшего не только считать деньги, но и любить то, за что платит.

Нас встретил дворецкий — сухой, подтянутый, с таким лицом, будто он родился в жилете и перчатках. Это был Бартоломео Нери.

— Buongiorno, синьоры. Синьор Лоренцо ждёт вас.

Он провёл нас внутрь через просторный холл, где полы блестели, как вода, а стены были украшены картинами, часами и зеркалами в тяжёлых рамах. Затем мы вошли в комнату, где уже стоял огромный деревянный стол. По одну сторону сели мы, по другую — Лоренцо и двое его людей.

И именно тогда я увидел её.

Она прошла через комнату не спеша, словно не замечая

ничьих взглядов, и всё же все взгляды невольно обратились к ней. Высокая, тонкая, с прямой спиной и мягкой походкой, в которой не было ни театральности, ни кокетства, она казалась чем-то слишком светлым для этих тяжёлых комнат. Волосы у неё были тёмные, густые, с тёплым каштановым отливом, как будто вечерний свет однажды запутался в них и остался там навсегда. Светлая кожа делала эту тьму ещё заметнее, а глаза — ясные, голубые, почти прозрачные — казались не южными, а северными, редкими и холодными, хотя в их глубине жила тёплая внимательность. Лицо её не было кукольным: в нём было что-то живое — мягкая линия губ, твёрдость в очертании подбородка, спокойствие взгляда. Она была красива не той красотой, что требует восхищения, а той, которая заставляет человека на секунду забыть, зачем он вообще вошёл в комнату.

На этот миг я действительно забыл.

Лука едва заметно ткнул меня локтем в бок, но я и без того понял, что выгляжу, должно быть, как человек, внезапно забывший, где он находится.

— Я пойду покурю и вернусь, — сказал я, поднимаясь.

Доменико резко повернул ко мне голову.

— Куда? Сиди за столом. Прояви уважение.

Лоренцо усмехнулся.

— Доменико, оставь его. Пусть идёт, если ему нужно продышаться. Винченцо, если захочешь хорошую сигару, возьми у Бартоломео.

Дворецкий подал мне дорогую итальянскую сигару, и я вышел из комнаты, сам не до конца понимая, что делаю. Уже в коридоре я понял, что ищу глазами только её.

Я увидел девушку, когда она выходила во двор. Она шла к воротам, и на белом свету её силуэт казался ещё тоньше. Я догнал её уже за калиткой.

— *Bella signorina.*

Она обернулась. Голос у неё оказался именно таким, каким я его невольно представлял: спокойным, мягким и без приторной сладости.

— Да? Вы что-то хотели?

На миг я, к своему раздражению, действительно не нашёл слов. Потом заставил себя ответить так, чтобы не прозвучать совсем уж мальчишкой.

— Хотел хотя бы узнать имя девушки, из-за которой мужчина способен забыть, зачем пришёл в этот дом.

В её глазах мелькнуло удивление, а затем — лёгкая улыбка.

— Смелое признание для первого разговора. Меня зовут Виттория. А вас?

— Винченцо.

— То есть Энцо?

— Только не это. Мне не нравится, когда меня так зовут.

Она тихо засмеялась.

— Хорошо. Тогда Винченцо. А меня дома иногда зовут Витти.

— Красивое имя.

— Вы говорите это так, будто не знаете других слов для красивых девушек.

— Наоборот. Просто сейчас лишние слова только испортят дело.

Она посмотрела на меня внимательнее. В этом взгляде не было ни наивности, ни страха — только тихое любопытство женщины, которая ещё не решила, стоит ли ей продолжать разговор.

— Вы приехали по делам к моему отцу?

— Вашему отцу?

— Да. Синьор Лоренцо — мой отец. Вас это удивляет?

— Немного. Я не знал, что у него есть дочь.

— Теперь знаете.

Несколько секунд мы просто стояли друг напротив друга. За воротами шумело море, где-то вдали скрипнула повозка, а ветер шевелил край её платья.

— Не хотите как-нибудь прогуляться? — спросил я. — Когда у нас не будет вокруг стола слишком много мужчин и слишком мало поводов для честного разговора.

— А когда, по-вашему, у нас появится такой счастливый случай?

— Завтра. В полдень. В Катании.

Виттория чуть склонила голову, будто примеряла эту мысль на себя.

— Хорошо. Но только если вы не опоздаете.

— Ради вас — ни за что.

— Это мы ещё посмотрим, Винченцо.

Вернувшись к столу, я уже почти не слышал первых слов Лоренцо. Я всё ещё видел её глаза и улыбку, не в силах отделаться от странного чувства: жизнь внезапно подарила мне что-то слишком светлое и слишком опасное сразу.

Разговор в комнате между тем шёл уже о деле. Лоренцо уверял, что бумаги на завод не держат в самом сердце предприятия, а возят через контору и дом управляющего; Пьетро задавал короткие, точные вопросы; дон слушал и почти не раскрывал своих мыслей. Мы пробыли у Лоренцо ещё около часа, после чего Доменико встал, пожал ему руку, и мы уехали.

На обратной дороге воздух сделался гуще, а сам путь — тяжелее. На этот раз молчание первым нарушил Доменико.

— Мне не нравится его доброта.

Лука пожал плечами.

— Может быть, он просто знает цену хорошим союзникам.

— Нет, — резко сказал дон. — Люди вроде Лоренцо не бывают добрыми. Они бывают расчётливыми.

Пьетро ехал чуть впереди, но ответил сразу:

— Он предложил слишком много и слишком быстро. Либо очень спешит, либо уже счёл нас людьми, которые сделают грязную работу и уйдут довольными.

— А если он действительно боится Кастро? — спросил я.

— Бояться Кастро можно по-разному, — сказал Доменико. — Можно бояться как врага. А можно — как человека, чьё добро очень хочется забрать.

Лука усмехнулся.

— В любом случае, дело пахнет деньгами.

— И кровью, — сухо добавил Пьетро.

— Ты всегда умеешь поднять настроение, — заметил Лука.

Доменико даже не посмотрел на него.

— Главное сейчас — не лезть в лоб. Идти прямо на завод глупо. Нам нужно знать, где именно бумаги, кто их держит, как охрана сменяется и кто у Кастро отвечает за самые тёмные дела.

— Сальваторе Греко, — сказал Пьетро. — Его правая рука.

Дон кивнул.

— Вот с него и начнём.

К вечеру, когда мы вернулись домой, разговор продолжился уже в кабинете. На столе стояли бутылка вина, карты дорог и несколько листов с именами людей Кастро. В конце концов было решено: после праздника у Лоренцо мы возьмём Сальваторе Греко и вытряхнем из него всё, что нужно знать о заводе.

После этого мы всё-таки сели ужинать, а потом разошлись по комнатам. Но для меня ночь получилась короткой. Я поднялся рано, ещё до того как дом ожил окончательно. Умылся

холодной водой, аккуратно причесался, надел чистые брюки, белую рубашку, синюю галстучную ленту, жилетку и тёмный пиджак. На ноги — кожаные туфли, начищенные до такого блеска, что они отражали свет почти как зеркало.

Когда я уже спускался вниз, на пути мне попался Лука. Он окинул меня взглядом и сразу ухмыльнулся.

— Куда это ты такой наряженный собрался?.. А, понятно. С дочкой Лоренцо решил погулять?

— Откуда догадался?

— Ха. Когда она прошла через комнату, я видел, как ты на неё смотрел, будто девушек никогда не видел.

— Я думаю, это не твоё дело, с кем я иду гулять.

Лука перестал улыбаться так широко.

— Ты идёшь с ней гулять, а не боишься, что синьор узнает? Ты о последствиях подумал?

— Если думать о последствиях, можно так ничего и не сделать.

— Это очень красивая фраза для человека, который сам потом и будет расплачиваться, — сказал Лука. — Но ладно. Как знаешь.

Я только пожал плечами и вышел во двор.

К Катании я добрался ближе к полудню. Город жил шумно и ярко: солнце лежало на камне, на площади кричали торговцы, из лавок тянуло рыбой, маслом, фруктами и горячим хлебом, а в воздухе постоянно звучал тот особый городской гул, в котором смешиваются деньги, усталость, надежда и

ложь.

По дороге я заехал в цветочную лавку и купил букет — не слишком большой, но свежий и красивый, чтобы не выглядеть мальчишкой, сорвавшим с куста первую попавшуюся ветку. Потом стал ждать на главной площади.

Когда я наконец увидел её, всё вокруг на миг стало как будто тише. Виттория шла через площадь в лёгком голубом платье, и этот цвет делал её ещё светлее. Платье мягко двигалось на ветру, тёмные волосы были собраны аккуратно, но несколько прядей всё равно выбились и касались щёк. Она и накануне была красива, но при дневном свете, среди городского шума, живых лиц и открытого неба, казалась ещё красивее — не как дочь богатого синьора, а как девушка, которой почему-то удивительно идёт сам воздух.

— Buongiorno, — сказал я.

Виттория улыбнулась.

— Buongiorno, Энцо... или, как ты просил, Винченцо. — Она тихо хихикнула. — Этот букет мне?

— Да. Держи.

Она взяла цветы осторожно, как будто ей редко дарили что-то без расчёта.

— Спасибо. Они красивые.

— Не красивее тебя.

— Ты очень быстро научился говорить правильные вещи.

— Нет. Просто с тобой они сами приходят в голову.

Мы пошли по улицам Катании. Город в этот час был полон

солнца, голосов и движения. Узкие улочки выводили к более широким площадям, где стояли лавки с тканями, стеклом, маслом, оливками, рыбой и фруктами. На балконах сушилось бельё, из открытых окон доносились женские голоса, смех детей и звон посуды; пахло кофе. Камень домов был горячим, почти золотым, а над всем этим поднималось чистое южное небо.

Виттория шла рядом со мной спокойно, без суеты, и говорила так, будто мы были давно знакомы.

— Ты часто бываешь в Катании? — спросила она.

— По делам — да. Ради прогулок — почти никогда.

— Значит, сегодня у тебя редкий день.

— Очень.

Мы вышли к набережной. Море растянулось перед нами широкое, ослепительное, полное света. Ветер принёс запах соли, мокрого камня и далёких лодок. Волны били в берег мягко, без злости, и на фоне всей моей жизни этот спокойный звук казался почти невероятным.

— Здесь красиво, — сказала Виттория, глядя на воду. — Когда я была ребёнком, мне казалось, что море умеет всё забывать. Всё, что ему скажешь.

— А теперь?

— Теперь мне кажется, что оно ничего не забывает. Просто молчит лучше людей.

Я посмотрел на неё внимательнее.

— Ты не похожа на девушку, которая говорит пустые сло-

ва.

— А ты не похож на мужчину, который живёт так легко, как хочет показать.

Мы медленно пошли вдоль воды. Я рассказывал ей о Тормине — не всё, конечно, а только то, что можно рассказать без опаски. О том, как утром пахнут виноградники. О том, как с высоты виден город. О том, как после дождя камень становится темнее. Она говорила о Катании, о книгах, о музыке, о том, что ей иногда не хватает свободы, хотя у её отца есть деньги, дом и люди. За каждым её словом мне слышалось что-то ещё — не жалоба, а тихая усталость человека, которого с детства учили быть правильным.

Потом она спросила:

— А о чём ты мечтаешь, Винченцо?

Вопрос оказался сложнее, чем должен был быть.

— О таком нельзя спрашивать посреди красивой прогулки, — сказал я.

— Почему?

— Потому что правда может всё испортить.

— А если я не боюсь правды?

Я некоторое время молчал. Потом всё же ответил:

— Иногда мне кажется, что я мечтаю о простой жизни. Хотя сам знаю, что она уже не для меня. А ещё... — Я улыбнулся краем губ. — Иногда мне хочется, чтобы рядом была женщина, при которой даже человек вроде меня перестаёт думать только о долгах и крови.

Виттория отвела взгляд к морю.

— Это уже почти признание.

— Почти.

— Тогда не договаривай. Иначе мне придётся отвечать слишком честно.

Во второй половине дня мы вернулись к её дому. Я проводил её до ворот особняка. Она остановилась у самого входа, держа в руке уже слегка поникший букет, и улыбнулась мне той улыбкой, которая остаётся с человеком дольше, чем он хочет признать.

— Arrivederci, Виттория.

— Arrivederci, Винченцо.

Домой я вернулся уже под вечер. Дон Доменико ждал меня во дворе, и одного его взгляда хватило, чтобы понять: настроение у него хуже некуда.

— Где ты был целый день? — спросил он.

— Гулял.

— Сейчас не время для прогулок. Сейчас время для дел. Запомни это, Винченцо. Ты уже не мальчишка. Веди себя взрослее.

— Хорошо, дон Доменико.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, потом сказал:

— Завтра день рождения у синьора Лоренцо. Я хочу сделать ему подарок. Золотой револьвер. Он находится у одного коллекционера по имени Леоне Беллини.

— И что я должен сделать?

— Не купить его. Украсть. Такой револьвер стоит слишком дорого, а я не люблю платить там, где можно проявить ум. Дом Беллини на северо-западе Таормины. Поезжай сейчас.

Я коротко кивнул, хотя внутри уже поднималось знакомое раздражение. Иногда мне казалось, что я живу под крышей Скалия слишком долго, делаю слишком много и всё равно остаюсь для дона кем-то вроде человека, которого удобно посылать туда, где пахнет риском. Эта мысль не делала меня слабее, но начинала раздражать всё сильнее.

Дом Леоне Беллини стоял отдельно, за каменной оградой, почти скрытый садом. Я привязал лошадь подальше, перелез через забор и оказался на заднем дворе. В доме, к счастью, не было заметного движения. Одно окно на первом этаже оказалось приоткрытым, и через него я тихо пробрался внутрь.

В доме коллекционера всё дышало деньгами и тщеславием. Шкафы были полны дорогих безделниц, полки — фарфора, серебра, маленьких статуэток и книг в роскошных переплётах. На стенах висели картины, старинные карты, восточные кинжалы, часы, табакерки, украшения и вещи, которые богатые люди любят собирать не потому, что они им нужны, а потому, что приятно владеть редкостью.

Я искал револьвер быстро, но без суеты. На первом этаже его не было. Поднявшись наверх, я увидел у лестницы тумбу, а на ней — стеклянный ящик. Внутри, на тёмном бархате, лежал он: золотой револьвер, тяжёлый даже на вид, с тонкой

гравировкой на рукояти и стволе. Он выглядел не как оружие, а как предмет, которым люди любят перед тем, как запереть в шкаф.

Я осторожно взял ящик, спустился вниз, выбрался через окно и уже во дворе разбил стекло рукоятью ножа. Револьвер лёг в ладонь приятно и холодно. Я сунул его в кобуру, перелез через ограду, сел на лошадь и поскакал обратно.

Когда я вернулся, Доменико встретил меня у кабинета. Я молча передал ему револьвер. Он взял его в руки, повернул к свету и впервые за весь день на его лице мелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

— Вот это уже похоже на дело, — сказал он. — Молодец.

Это была не бурная похвала, но от Доменико большего и не требовалось. День к тому времени уже клонился к концу. В доме снова пахло ужином, за окнами сгущались синие сумерки, а я стоял посреди этого вечера и думал о слишком многом сразу: о Лоренцо, о Кастро, о заводе, о намеченном после праздника захвате Сальваторе Греко и о Виттории, чьи глаза почему-то не шли у меня из головы.

Я не знал тогда, что именно с этого дня всё начнёт меняться быстрее, чем мне хотелось бы. Но чувствовал: спокойствие, которым пахло сегодняшнее утро, уже ушло. И, может быть, надолго.

Следующее утро оказалось совсем другим. Небо затянуло белыми облаками, но воздух оставался тёплым, и в открытые окна дома тянуло запахом влажной земли, травы и

моря. Я проснулся раньше обычного и несколько мгновений лежал, вслушиваясь в редкую тишину. Потом вспомнил: сегодня день рождения синьора Лоренцо.

Дом уже просыпался. Внизу двигали стулья, хлопали двери, кто-то выводил лошадей из конюшни. Когда я спустился во двор, дон Доменико уже стоял у ворот в тёмном костюме. Рядом с ним была донна Розалия, одетая гораздо наряднее обычного. Лука поправлял ворот рубашки, а Пьетро проверял упряжь кареты.

— Все взяли оружие? — спросил дон Доменико, оглядывая нас.

Я даже остановился.

— Оружие? Мы ведь едем на день рождения, а не на войну.

Доменико посмотрел на меня так, будто я сказал что-то наивное.

— Именно поэтому и возьмите. На празднике человек расслабляется быстрее, чем на войне. Хотя бы револьверы. Лучше таскать железо впустую, чем однажды пожалеть, что оставил его дома.

— Хорошо, — вздохнул Лука. — Винченцо, пойдём.

Я уже развернулся к дому, когда заметил, что Пьетро даже не двинулся.

— А ты не идёшь за своим?

Он похлопал ладонью по борту сюртука.

— Моё уже со мной. Я утром сначала беру пистолет, а

потом вспоминаю про штаны. Так спокойнее.

Лука рассмеялся.

— Когда-нибудь ты действительно выйдешь во двор с револьвером и без штанов.

— И всё равно буду опаснее тебя, — сухо ответил Пьетро.

Через несколько минут мы были готовы. Дон Доменико и Розалия сели в карету. Пьетро занял место на козлах, а мы с Лукой поехали верхом рядом. Путь до Ачи-Кастелло занял немало времени, но чем ближе мы подъезжали к морю, тем светлее становился день. Облака расходились, между ними проступало синее небо, а солёный ветер перебивал запах пыли от дороги.

Уже издалека было видно, что у Лоренцо праздник. Ворота его особняка украсили лентами и небольшими флагами, на каменных столбах висели фонари, которые зажгут вечером. Вдоль дорожки стояли кадки с цветами, а из сада доносились голоса, музыка и звон посуды. Всё выглядело богато, даже слишком богато, будто хозяину было важно не просто отпраздновать день рождения, а доказать каждому гостю, что его достаток не знает границ.

Мы въехали во двор. Слуги приняли повода и провели нас за дом, в большой сад, где под деревьями уже стояли длинные столы. На белых скатертях блестели бокалы, блюда с фруктами, хлебом, сыром и мясом. Среди гостей ходили мужчины в костюмах, женщины в светлых платьях, играли музыканты.

Дон Доменико заметил Лоренцо первым.

— Buongiorno, signor Lorenzo. Buon compleanno!

Лоренцо широко улыбнулся и раскрыл руки.

— Grazie, grazie, Domenico!

Доменико достал из футляра золотой револьвер. На солнце металл вспыхнул так ярко, что Лоренцо на мгновение действительно потерял свою обычную невозмутимость.

— Это вам, — сказал дон. — Пусть хорошая вещь служит хорошему человеку.

Лоренцо взял оружие обеими руками, провёл пальцем по гравировке и тихо присвистнул.

— Dio mio... Доменико, такого подарка я не ожидал. Grazie.

Я подошёл следом, пожал ему руку.

— Buon compleanno, signor Lorenzo.

— Спасибо, Винченцо.

Потом его поздравили Лука, Пьетро и Розалия. Для нас действительно оставили места почти рядом с хозяином. По тому, как слуги мгновенно подливали вино и приносили новые блюда, было ясно: Лоренцо хотел, чтобы семья Скалия чувствовала себя здесь особенно желанной.

Праздник тянулся час за часом. Сначала было шумно от разговоров, потом от музыки. К вечеру сад изменился: зажглись фонари, в листве появились золотистые пятна света, на столах горели свечи. Музыканты заиграли быстрее, и гости начали танцевать между деревьями.

Тогда я увидел Витторию.

Она стояла чуть в стороне, под старой яблоней, где свет фонаря едва касался её лица. На ней было светлое платье, простое по сравнению с нарядами других женщин, но почему-то именно поэтому она выделялась сильнее всех. Вокруг неё смеялись, говорили, звенели бокалы, а она словно находилась отдельно от всего праздника.

Я сделал глоток вина и подошёл.

— Buonasera, signorina. Как ваши дела?

Она повернулась и улыбнулась.

— Замечательно. А твои?

— Тоже. Как тебе праздник твоего отца?

Виттория посмотрела в сторону танцующих.

— Если честно, скучновато. Отец любит большие праздники больше, чем я.

— Тогда танцуй. Все танцуют. Или выпей вина — сразу станет веселее.

Она покачала головой.

— Танцевать я не люблю. И вино пью редко.

— Почему?

— Мне и без него хватает людей, которые говорят глупости.

Я усмехнулся.

— Тогда тебе сегодня особенно тяжело.

Она уже хотела что-то ответить, когда вечер разорвал сухой, резкий выстрел.

Музыка оборвалась мгновенно.

Мужчина пожилых лет, стоявший всего в нескольких шагах перед Лоренцо, дёрнулся и рухнул на стол. Посуда полетела на землю, кто-то закричал. Несколько женщин бросились к дому, мужчины пригнулись, не понимая, откуда стреляли.

Я инстинктивно посмотрел за ограду сада. Между ветвями высокого дерева на другой стороне стены мелькнула тёмная фигура. Человек быстро спускался вниз.

— В дом! — крикнул я.

Я схватил Витторию за руку и повёл её к дверям. Она не сопротивлялась, только несколько раз оглянулась на отца.

— Винченцо, что происходит?

— Внутрь. Сейчас.

У двери я передал её одному из слуг и крикнул Доменико: — Стрелок за стеной! На дереве!

Пьетро уже достал револьвер. Охрана Лоренцо закрывала ворота и растаскивала гостей в дом. Дон Доменико коротко приказал им проверить сад и стены, а я, не дожидаясь остальных, выскочил через боковую калитку.

За оградой было темнее. Я пробежал вдоль каменной стены и увидел мужчину у дерева. Он только успел спрыгнуть на землю и повернуться. Я выстрелил прежде, чем он поднял оружие.

Пуля ударила его в ногу. Мужчина вскрикнул и рухнул на колени, прижав ладонь к бедру.

Я приблизился, держа револьвер перед собой.

— Кто ты?

Он тяжело дышал, лицо перекосилось от боли.

— Сальваторе... Сальваторе Греко.

Имя заставило меня остановиться.

— Ты человек дона Микеле?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Да.

Я подхватил его под руку, заставил подняться и повёл обратно. У ворот меня уже встретил Пьетро. Вместе мы дотащили раненого до сада.

Доменико увидел пленника и медленно приблизился.

— Так-так... — произнёс он. — Сальваторе Греко. Давно мы не виделись.

Сальваторе ничего не ответил.

— Связать его, — приказал дон. — Он едет с нами.

— Доменико, — начал Лоренцо, всё ещё бледный после покушения, — что ты собираешься делать?

— Узнать, почему люди Микеле стреляют по твоим гостям. А потом, возможно, узнаем ещё что-нибудь интересное.

Праздник был закончен. Музыканты собирали инструменты, люди торопливо покидали сад. Пожилого мужчину, который принял на себя пулю, предназначавшуюся Лоренцо, унесли в дом. Никто уже не думал ни о танцах, ни о вине.

На обратной дороге Сальваторе везли связанным под при-

смотром Пьетро. Мы ехали медленнее обычного. Ветер с моря остыл, и над дорогой поднималась белёсая пыль.

Доменико долго молчал, а потом сказал:

— Наглость Микеле начинает переходить всякие границы.

Пьетро повернул голову.

— Стрелять в Лоренцо на собственном празднике, когда вокруг десятки свидетелей... Либо он совсем перестал бояться последствий, либо специально хотел, чтобы все знали, чья это работа.

— Именно, — ответил Доменико. — Такие выстрелы редко делают только ради смерти одного человека.

Лука нахмурился.

— Думаешь, это было послание?

— Разумеется.

Я посмотрел на связанного Сальваторе.

— И не только Лоренцо.

Доменико перевёл взгляд на меня.

— Продолжай.

— Вы были на празднике. Все знали, что вы там. Микеле не мог этого не знать. Значит, стрелок должен был показать: ему всё равно, рядом вы или нет.

На губах Доменико появилась холодная улыбка.

— Вот теперь ты начинаешь думать правильно.

Пьетро тихо сказал:

— Тогда эта история уже касается нас напрямую.

— Она касалась нас с самого начала, — ответил дон. — Просто теперь Микеле решил сказать об этом вслух.

Лука бросил взгляд на Сальваторе.

— Может, наш пассажир объяснит, почему его хозяин вдруг стал таким смелым.

Доменико посмотрел вперёд, на тёмную дорогу.

— Объяснит. Когда окажется в моём подвале, у него неожиданно появится желание разговаривать.

Дом встретил нас глубокой ночью. Сальваторе отвели в подвал, посадили на тяжёлый деревянный стул и крепко связали. Свет единственной лампы качался под потолком, бросая по каменным стенам длинные тени. В сыром воздухе чувствовался запах крови из его раненой ноги.

Доменико встал напротив.

— По кому ты стрелял?

— По синьору Лоренцо.

— Чей был приказ?

Сальваторе молчал.

Дон достал револьвер и медленно приставил ствол к его виску.

— Я повторяю один раз. Чей был приказ?

— Дон Микеле, — выдохнул Сальваторе. — Он приказал убить Лоренцо. Я не справился.

— Почему Микеле понадобилась его смерть?

Сальваторе поморщился.

— Лоренцо должен ему деньги. Очень много. Он не отда-

ёт. Дон решил, что ждать больше нечего.

— Сколько?

— Около девяноста трёх тысяч лир.

Даже Пьетро слегка поднял брови.

— Девяносто три тысячи? — повторил Доменико. — За что можно задолжать столько?

— Это уже с процентами. Он брал деньги на дом, в котором вы сегодня были. На автомобиль. На виноградник. Ещё на какие-то покупки. И карточный долг — около десяти тысяч.

Доменико недоверчиво усмехнулся.

— Ты врёшь. Лоренцо Валери богатый человек. Ему незачем было бы занимать у Микеле.

Сальваторе вдруг хрипло рассмеялся.

— Богатый? Он просто умеет казаться богатым.

В подвале стало тихо.

— Говори, — приказал дон.

— Он банкрот уже почти год. Только никому этого не показывает. Всё, что покупал на деньги Микеле, теперь понемногу продаёт. То землю, то вещи, то долю в каком-нибудь деле. На это и живёт. А остальные деньги тратит на то, чтобы никто не заметил, что у него их больше нет.

Я вспомнил длинные столы, фонари, дорогие блюда, музыкантов и нарядных гостей.

— Даже сегодняшний праздник? — спросил я.

Сальваторе перевёл взгляд на меня.

— Особенно сегодняшний праздник. Если человек годами всем показывал, что богат, он не может внезапно перестать устраивать праздники. Иначе люди начнут задавать вопросы. Лоренцо продаёт собственное прошлое, чтобы оплачивать видимость настоящего.

Доменико задумчиво провёл большим пальцем по рукоятке револьвера.

— Значит, он намерен решить свои проблемы за мой счёт. Сальваторе пожал плечами, насколько позволяли верёвки.

— Не знаю, что он вам обещал.

— Поговорим о другом. Завод Микеле в Ачиреале.

— Какой завод?

— Не изображай идиота. Серный завод.

— С ним всё нормально.

— Меня не интересует, нормально ли с ним. Где документы на предприятие?

Сальваторе резко замолчал.

— Лучше убейте меня. Я этого не скажу.

Доменико присел перед ним.

— Ты уже рассказал мне достаточно, чтобы Микеле собственными руками перерезал тебе горло. Ты провалил приказ и попал ко мне живым. Для него ты уже мертвец. Но если скажешь, где бумаги, я могу спрятать тебя. Увезём подальше. В деревню, где никто не знает твоего лица. Ты будешь жить.

Сальваторе закрыл глаза. Несколько секунд было слышно

только его дыхание.

— Ладно... В кабинете главного бригадира. Он там за директором. Документы держат в сейфе.

— Пароль?

— Не знаю. Его знают Микеле и сам бригадир. Больше никто.

— Уверен?

— Да. Всё. Я рассказал. Развяжите меня и позовите врача. Нога горит.

— Конечно, — спокойно сказал Доменико. — Сейчас всё будет.

Он поднялся, обошёл стул и встал за спиной Сальваторе.

Я увидел движение его руки, но не сразу понял, что он делает.

Раздался выстрел.

Голова Сальваторе резко дёрнулась вперёд, тело обмякло на верёвках. Лампа под потолком продолжала медленно качаться, как будто ничего не произошло.

Я несколько секунд смотрел на Доменико.

— Зачем?

Он убрал оружие.

— Он дал информацию. Больше он мне не нужен.

— Ты обещал ему жизнь.

Доменико повернулся ко мне.

— Я обещал ему то, что заставило его говорить. Не путай обещание человеку семьи с обещанием врагу. И я не соби-

раюсь месяцами кормить человека Микеле под собственной крышей.

Мне не понравился его ответ. Но я промолчал.

Тело Сальваторе той же ночью отвезли в лес и похоронили в стороне от дороги. Земля была тяжёлой и влажной, и работа заняла больше времени, чем хотелось. Когда всё закончилось, мы вернулись молча. Казалось, запах сырой земли вьелся в одежду.

Доменико не дал нам разойтись. В кабинете он поставил лампу ближе к центру стола и жестом приказал садиться.

— Теперь думаем о заводе. Конкретно. Просто войти туда и забрать бумаги нам никто не позволит. Предложения?

Пьетро опёрся локтями о стол.

— Почему бы не войти силой? Быстро. Несколько человек с оружием. Забрали бумаги и ушли.

Доменико покачал головой.

— Идея имеет право на жизнь. Но ты сам понимаешь, что завод — не пустой сарай. Там охрана. Рабочие. А рядом могут оказаться люди Микеле. Один лишний выстрел — и весь Ачиреале будет знать, что мы пришли.

Я посмотрел на Пьетро.

— Но если всё сделать быстро, это может сработать. Мы умеем стрелять. Главное — не ввязываться в бой без необходимости и заранее знать, куда идти.

— Вот именно, — сказал Доменико. — Знать. А сейчас мы почти ничего не знаем.

Лука, до этого молчавший, поднял голову.

— Кажется, я знаю человека, который может помочь.

Все посмотрели на него.

— Маттео Ринальди. Он работает охранником у ворот завода. Обычный наёмный рабочий, не человек Микеле. Я знаком с ним уже давно.

— Насколько хорошо? — спросил Пьетро.

— Достаточно, чтобы он со мной поговорил. Но не настолько, чтобы он бесплатно полез под пули.

Доменико кивнул.

— Завтра поедете к нему. Узнаете всё, что сможете: охрану, входы, время работы, кто бывает у кабинета. Никаких геройств. Сначала глаза и уши, потом оружие.

Он обвёл нас взглядом.

— Будем действовать как *briganti*. Быстро, неожиданно и без лишних разговоров. *Avete capito?*

— *Sì*, дон Доменико, — ответили мы.

— *Vene*. Тогда спать.

Утром мы втроём — я, Лука и Пьетро — выехали в сторону Ачиреале. Чем ближе становился завод, тем сильнее воздух менялся. Сначала пахло травой и дорогой, потом к запаху земли прибавилась тяжёлая серная горечь. Над крышами поднимался дым, а за каменными зданиями виднелись высокие трубы.

Мы не стали подъезжать вплотную. Лошадей оставили на соседней улице, в тени стены, и дальше пошли пешком. За

углом показались большие железные ворота из толстых прутьев. За ними тянулся двор с телегами, штабелями ящиков и низкими производственными корпусами.

Маттео Ринальди стоял снаружи, неподалёку от ворот, и курил. На нём была простая рабочая одежда, кепка низко надвинута на лоб. Он выглядел не как человек мафии, а как тот, кто каждый день считает часы до конца смены.

Лука остановил нас рукой.

— Подождите здесь. Если он увидит сразу троих, может испугаться.

Он вышел из-за угла и направился к Маттео. Мы с Пьетро остались в тени, но расстояние было небольшим, и почти весь разговор доносился до нас.

— Маттео, мне нужен срочный разговор.

Ринальди вздрогнул, узнав его, и выругался:

— Merda, Лука! Ты совсем идиот? Приходишь ко мне рядом с заводом, которым владеет семья, ненавидящая ваших?

— Говори тише. Скоро здесь многое изменится.

— Вот когда изменится, тогда и приходи. А сейчас говори быстрее.

— Мне нужно знать две вещи. Как попасть внутрь и сколько там охраны.

Маттео затянулся сигаретой и оглянулся на ворота.

— Скрытно? Почти никак. Нормальный вход один — через эти ворота. Стены высокие, а за ними открытый двор. Если полезете через ограду, вас увидят раньше, чем вы прыг-

нете на землю.

— Охрана?

— Обычно пятеро. Двое ходят снаружи и по двору. Двое обходят цеха. Ещё один держится наверху, возле кабинета директора.

— Откуда знаешь?

— Я здесь работаю, Лука. Разговариваю с рабочими. А тех, кто снаружи, вижу каждый день собственными глазами.

Лука приблизился на шаг.

— Завтра сможешь открыть нам ворота?

Маттео уставился на него.

— Смогу. А потом Микеле открутит мне голову.

— Если подведёшь нас, дон Доменико тоже не обрадуется.

Маттео зло бросил окурок на землю.

— Тогда у меня условие. Вы приводите мне коня. Я открываю ворота и сразу исчезаю. Далеко. Очень далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.